

А. Я. СЫРКИН

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЭПОСА
О ДИГЕНИСЕ

Если отдельные исторические и географические реминисценции поэмы о Дигенисе Акрите давно уже служат предметом пристального изучения, то вопрос об идеологической направленности этого источника, если не говорить о самых общих характеристиках, фактически остался вне поля зрения византинистов. Проблема идеологии византийского эпоса в общих чертах была затронута советскими учеными. В. Д. Кузьмина подчеркивает народные черты эпоса; к сходной точке зрения склоняется М. Я. Сюзюмов, А. В. Банк и А. П. Каждан в большей мере обращают внимание на феодальные черты памятника¹. До сих пор вызывает споры вопрос об отношении эпоса к императору, об элементах павликианской идеологии в поэме. Ряд конкретных данных памятника, свидетельствующих о мировоззрении его автора, до сих пор так и не был выделен. В настоящей статье мы попытаемся остановиться на отношении поэмы к императорской власти, на том, как обрисованы представители различных социальных слоев, на отношении к религии, а также на некоторых других особенностях мировоззрения автора.

I

Отношение поэмы к императорской власти во многом соответствует официальной правительственной идеологии. Особа императора окружена преклонением. Василий назван в *ГФ*² IV, 56 «великим акритом»³. Славословия императору мы находим и в сцене его встречи с Дигенисом. Император — счастливый и великий завоеватель (εὐτυχὴς καὶ μέγας τροπαιοῦχος — *ГФ* IV, 973 сл.; ср. *Т* 1477, *А* 2343). Дигенис уничижительно именуется последним из рабов императоров (Ἐγὼ μὲν δοῦλος ἔσχατος τοῦ σοῦ χρίτου ὑπάρχω — *ГФ* IV, 988 сл.; *Т* 1497 сл., *А* 2363 сл.),

¹ Соответствующие работы будут отмечены ниже В. Д. Кузьмина в подготовленной к печати монографии «Деяние прежних времен и храбрых человек (Девгениево деяние)» дает критический очерк истории исследования древнерусской повести и византийской поэмы, указывая в этой связи на невнимание зарубежных исследователей к идейной стороне памятника. Ср. также А. Я. Сыркин. К истории изучения «Дигениса Акрита». ВВ, XVII, 1960, стр. 223—224.

² В статье приняты следующие сокращения: *ГФ* — Гротта-Ферратская версия поэмы (ed. J. Mavrogordato. Oxford, 1956); *Т* — Трапезунтская (ed. C. Sathas, E. Legrand. Paris, 1875); *А* — Андросская стихотворная (ed. P. Kalonaros. Athine, 1941); *А*₁ — Андросская прозаическая (ed. D. Paschales, A. IX, 1928); *Э* — Эскуриальская (ed. P. Kalonaros. Athine, 1941); *О* — Оксфордская (ed. S. Lampros. Paris, 1880).

³ Ср. обращение Феодора Продрома (XII в.) к Мануилу I Комнину (1143—1180) — τὸν νέον τὸν Ἀκρίτην. D. Hesselting, H. Pernot. Poèmes prodromiques en grec vulgaire. VAWL, D. XI, № 1, 1910, p. 61.

недостойным его милости. Император, по его словам, получил власть от бога, нечестие язычников сделало его господином над всеми (ГФ IV, 1014—1015). Похвалы расточают императору Никифору и Т (3107 сл.), и А (4344 сл.). Здесь поэма полностью следует официальному этикету^{3а}. Более интересно проследить за этими формальностями истинное отношение Дигениса к императору и его войскам и остановиться на советах, которые он дает своему гостю.

Герой приглашает царя самого прийти к нему на Евфрат с немногими бойцами (ГФ IV, 994; ср. Т 1499, А 2365) — у царя есть неопытные (ἀπειρούς) воины, и, если они скажут что-либо неподходящее, он, Дигенис, наверняка лишит их жизни (ποιήσω σε εἰς τὸ βέβαιον ἄμοιρον τῶν τοσούτων — ГФ IV, 999; ср. Т 1503, А 2369). Речь эта весьма характерна для провинциального феодала: свидетельствуя свое уважение императору, он в то же время держится гордо и независимо и с недоверием относится к императорским войскам.

Письмо Дигениса вызывает у императора восхищение и радость (ГФ IV, 1002 сл., Т 1505 сл., А 2371 сл.)⁴, и он отправляется с сотней воинов и немногими копеещниками к Евфрату (ГФ IV, 1005—1006; Т 1510 и А 2376 говорят лишь о сотне воинов). Деталь эта перекликается с книгой «О церемониях», где говорится о том, что, приближаясь к пограничным малоазийским областям, император оставлял позади большую часть своей свиты и продолжал путь лишь с небольшим числом акритов⁵.

Интересны советы, которые дает Дигенис императору (ГФ IV, 1030 сл.). Герой говорит, что ему не надо наград и достаточно одной лишь любви повелителя. Ведь братъ — несправедливо и куда лучше — давать, а император и так безмерно тратится на войско (ἔχεις... ἐν τῷ στρατῷ ἐξόδους ἀνεκχώστους — еще одна характерная для IX—X вв. деталь)⁶. Дигенис умоляет царя любить поданных (τὸ ὑπήκοον), жалеть нуждающихся (πενουμένους), спасать бедствующих от угнетателей (ἐξ ἀδικούντων ρύεσθαι τοὺς καταλπομένους)⁷, прощать невольно согрешивших, не поддаваться клевете, избегать несправедливости, искоренять еретиков, поддерживать православных — этим оружием справедливости император одолеет всех врагов. Власть и царство, продолжает Дигенис, не зависят от силы; это — дар божий, десница всевышнего.

Примерно то же наставление произносит Дигенис в Т 1520 сл. и А 2386 сл. Кроме этого, он просит здесь, чтобы предназначенные для него дары и почести император пожаловал бедным стратиотам (λένεσι στρατιώταις). В полном соответствии с духом поэмы Дигенис убеждает императора любить обращенных в христианскую веру (ἀγαπᾶν προσηλύτους — Т 1526). Он советует ему не гневаться при разборе дел, прежде чем тот не разберется во всем (Т 1529, А 2395). В заключение своей речи Дигенис обещает императору освободить его от огромных расходов, которых требует защита границ (Т 1534—1535; в соответствующем месте ГФ IV, 1043 — более позднее упоминание о дани Иконию). Наконец, своего рода

^{3а} Ср. F. Dölger: Die Kaiserurkunden der Byzantiner als Ausdruck ihrer politischen Anschauungen. «Byzanz und die Europäische Staatenwelt». Ettal, 1953, S. 22f.

⁴ В Тихомировской редакции «Девгениева деяния» (М. Сперанский. Девгениево деяние. Сб. ОРЯС, т. 99, № 7. Пг., 1922, стр. 145) ответ Девгения, напротив, вызывает гнев царя. Ср. А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы византийского эпоса. ВВ, XIX, 1961, стр. 98.

⁵ Constantinus Porphyrogenitus. De Ceremoniis, vol. I. Bonnae, 1829, p. 489. 6 sq.

⁶ Ср. М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 140—141.

⁷ ГФ IV, 1034 исправлено по Т 1527 и А 2393.

идеальным царствованием предстает в поэме правление самого Дигениса на границах. Величайшей заслугой он с женой считает раздачу милостыни беднякам (*ГФ VIII*, 184—185; ср. *Т 2929—33*; *А 4141—4145*). При нем утверждается прочный мир, все видят в нем своего благодетеля и великого защитника (*εὐεργέτην, ἀντιλήπτορα μέγιστον...* — *ГФ VII*, 225—227).

Подобное отношение к императорской власти — далеко не единственный пример в источниках того времени. Так, Продолжатель Феофана восхваляет в императоре Феофиле любовь к справедливости и соблюдению законов⁸. В жизнеописании Василия I прославляется его милосердие к бедным и одинаково справедливое отношение ко всем подданным⁹. Здесь же говорится о мире (*γαλήνης*) и процветании (*θάλλοντας βίον*), достигнутых при Василии I¹⁰, а Генесий сообщает о любви этого императора к беднякам¹¹. Следует отметить, что для указанных источников характерна и другая параллель с нашей поэмой — внимание к образам знатных воинов¹². Параллели с Продолжателем Феофана в данном случае тем более интересны, что произведение это, по-видимому, направлено против столичной аристократии и выражает интересы провинциальной военной знати¹³. Характерны в этом отношении восхваления здесь представителей знатных родов, например Аргиров¹⁴, Куркуасов¹⁵, Фок¹⁶.

Разумеется, восхваление в императоре справедливости, милосердия, признания к соблюдению законов можно объяснить и данью традиции, восходящей еще к позднеримскому и ранневизантийскому периодам¹⁷. Нам, однако, кажется, что в данном случае дело не столько в традиции, сколько во вполне актуальной тенденции ограничить центральную власть и тем самым усилить независимость провинциальных динатов¹⁸. С другой стороны, слова *Т 1523* и *А 2389* о помощи бедным стратиотам, вполне возможно, являются отзвуком настроений и требований широких стратиотских масс, игравших, вероятно, большую роль в создании и распространении эпоса о Дигенисе¹⁹.

⁸ Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 85. 1—2.

⁹ Ibid., p. 315. 11—12. Ср. ibid., p. 443. 13—18.

¹⁰ Ibid., p. 344. 19—345. 2.

¹¹ Genesius. Bonnae, 1834, p. 128. 6—8. См. также: F. Dölger. Die Kaiserurkunde..., S. 26 f.

¹² Анализ текстов Генесия и Продолжателя Феофана приводит к предположению, что историки эти использовали не дошедшие до нас повести о жизни и подвигах византийских воинов: Мануила — современника императоров Феофила и Михаила III, Феофоба — полководца Феофила, Андрея — полководца Василия I (ср. H. Cregoire. Manuel et Théophobe. Byz., IX, 1934, p. 183 sq., 201 sq.; P. J. Aïexander. Secular Biography at Byzantium. «Speculum», vol. XV, № 2, 1940, p. 197). На эту параллель любезно обратил мое внимание А. П. Каждан. См. А. П. Каждан. Из истории византийской хронографии X в. ВВ, XIX, 1960, стр. 83 сл. В этой связи важно свидетельство Продолжателя Феофана (Theoph. Cont., p. 427. 21—428. 2) о не дошедшем до нас сочинении в восьми книгах, посвященном описанию подвигов Иоанна Куркуаса. Ср. K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 399.

¹³ Ср. А. П. Каждан. Из истории..., стр. 83.

¹⁴ Theoph. Cont., p. 368. 22; 399. 9; 400. 3 и др.

¹⁵ Ibid., p. 426. 3 sq.

¹⁶ Ibid., p. 459. 17—18; 462. 7—8; 473. 19 и др.

¹⁷ Ср. W. Ensslin. Der Kaiser in der Spätantike. «Historische Zeitschrift», Bd. 177, 1954, H. 3, S. 464 f.; J. Karayannopoulos. Der frühbyzantinische Kaiser. ВЗ, XLIX, 1956, S. 377 f.

¹⁸ Весьма далека от такого понимания приведенных текстов А. Хаджиниколау-Марава, рассматривающая слова Дигениса с точки зрения христианской морали и видящая здесь лишь «disposition de l'âme byzantine» (A. Hadjiniçolaou-Marava. Recherches sur la vie des esclaves dans le monde Byzantin. Athènes, 1950, p. 80).

¹⁹ Ср., М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборческого движения в Византии. «УЗ Свердловского гос. пед. ин-та», вып. 4, 1948, стр. 78, прим. 62. См. ниже, стр. 154.

Еще более интересные параллели к приведенным текстам содержит «Стратегикон» Кекавмена, написанный около 1075—1078 гг.²⁰ и отразивший мировоззрение византийской провинциальной знати. Точно так же как Дигенис, Кекавмен призывает заступаться за бедняков и помогать безвинно страждущим²¹. Он учит не соблазняться богатством и титулами; топарх должен держаться за свою землю и не отдавать ее царю. Во всем следует довольствоваться собственным достоянием (Дигенису тоже ничего не надо от императора); тот же, кто пришел поклониться царю, «с тех пор уже раб, а не друг»²².

Схожие по содержанию и настроению советы (в издании В. Васильевского и В. Ериштедта — *De officiis regii libellus*), примыкающие к «Стратегикону» и принадлежащие, по-видимому, тому же автору²³, адресованы уже самому императору — *πρὸς τὸν κατὰ τὴν ἡμέραν ὄντα βασιλέα*²⁴. Их автор далек от обожествления императора. Разумеется, императору следует повиноваться, но лишь тогда, когда сам он руководствуется законами и поступает достойно. Нечего слушаться царя, приказывающего выпить яд или владать переправиться через море. «Царь — человек и подлежит благочестивым законам»; и автор советует повелителю смотреть на всех одинаковыми глазами, быть ко всем справедливым²⁵. Он должен оказывать милости достойным²⁶, заботиться о воинах²⁷ и не задерживать им жалование²⁸. Пусть он судит справедливо, не вступает за дурных людей и защищает обиженных от притеснений²⁹. Императору следует, наконец, путешествовать по фемам своей страны, следить, не терпят ли обид бедняки, и исправлять все несправедливости³⁰.

Как мы видим, советы византийского провинциального «боярина» содержат много общего с теми советами, которые вложил в уста своему герою автор [или один из ранних (XI в) редакторов] «Дигениса». По меткому замечанию Дж. Бури, Дигенис ведет себя перед императором, «как независимый западный барон»³¹. Здесь, очевидно, отразилось в какой-то мере мировоззрение византийской провинциальной земельной знати, стремившейся к независимости от центральной власти и выступавшей за ее ограничение³². Именно в этом и следует, как нам кажется, искать объяс-

²⁰ Ср. Ив. Дуйчев. Няколко бележки към Кекавмен. ЗРВИ, кн. 5, 1958, стр. 60, прим. 5; P. Lemerle. *Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos*. Bruxelles, 1960, p. 20.

²¹ С е с а у м е н i Strategicon et incerti scriptoris de officiis regii libellus, ed. W. Wassilewsky, V. Jernstedt. Petropoli, 1896 («Записки ист.-филол. фак-та имп. СПб. ун-та», ч. 38, § 2). Русский перевод этого памятника дал В. Г. Васильевский («Советы и рассказы византийского боярина XI в.». ЖМНП, 1881, ч. 215, стр. 242—299; ч. 216, стр. 102—171, 316—357).

²² С е с., § 218, 221; ср. D. C. Hesselting. *Essais sur la civilisation byzantine*. Paris, 1907, p. 219—220.

²³ Ср. P. Lemerle. *Op. cit.*, p. 5—8.

²⁴ По-видимому, имеется в виду Михаил VII Дука (1071—1078). См. В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 250; ср. V. Valdenberg. *Nicoulitsa et les historiens byzantins*. Byz., III, 1926, p. 95—121.

²⁵ С е с., § 235.

²⁶ *Ibid.*, § 238—239.

²⁷ *Ibid.*, § 241—242.

²⁸ С е с., § 247.

²⁹ *Ibid.*, § 248—249.

³⁰ *Ibid.*, § 259.

³¹ J. V. Burgu. *Romances of Chivalry on Greek Soil*. Oxford, 1911, p. 20.

³² См. А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова. Византия и Запад в современной буржуазной историографии. Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959, стр. 443 сл. Характерная параллель из IX в. — позиция патриарха Фотия (ср. А. П. Каждан и др. Социальные и политические взгляды Фотия. «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. II. М.—Л., 1958, стр. 127 сл., 132—133).

нение известной сдержанности и даже враждебности к императору и его спутникам — черт, характерных для поведения Дигениса. Показательна в этом отношении и судьба деда Дигениса — стратига Андроника, посланного императором и умершего в ссылке (*ГФ* I, 270—271, IV, 55—56; ср. *Т* 835—836, *А* 1368—1369, *Э* 140)³³. Отметим в этой связи, что первоначальная редакция «Дигениса», как нам представляется наиболее вероятным³⁴, оформлялась в период ожесточенной борьбы между провинциальной земельной знатью и центральной властью (восстания Варды Склира и Варды Фоки в 70—80-х годах X в.).

С недоверчивостью к центральной власти, к императорским войскам переключается и стремление героя к уединению (*ГФ* IV, 958 сл.; V, 22, и др.), его желание совершать свои подвиги без помощников. И хотя Дигенис предстает в поэме как «ромей» (*ρωμαῖος*) и защитник «Романии» (*τῆς Ῥωμανίας*), видеть в нем вслед за Г. Шрайнером³⁵ идеал патриота (в современном понимании этого слова) ни в коей мере не следует. Автор вообще подчеркивает не столько государственную общность, сколько общность веры и неоднократно говорит о кашпадокийском происхождении героя (ср. *ГФ* III, 106; VII, 2). Отметим, кстати, что слово *πατρίς* в связи с Дигенисом встречается лишь в *А* 4162: герой печалится, что не оставил сына для родины. Стих этот отсутствует в остальных версиях и является, по-видимому, позднейшей вставкой³⁶. Если Дигенису и свойственен патриотизм, то это патриотизм скорее областной, сепаратистский, чем общегосударственный.

II

Среди персонажей «Дигениса Акрита» встречаются лица самых разных положений — от водоноса, служащего апелатам, до византийского императора. Но в центре повествования — образ знатного и богатого византийского воина, каким предстает в эпосе Дигенис. К этой социальной категории и относятся почти все детали быта и свидетельства о памятниках материальной культуры, содержащиеся в тексте памятника. Сама по себе такая тематика еще не дает оснований заключать о феодальной идеологии эпоса³⁷: знатность и богатство, так же как отвага и сила, — нередкие атрибуты фольклорных героев у самых различных народов, в том числе и в греческих народных песнях³⁸. Для нас важна в данном случае не столько общая тематика произведения, сколько отдельные его эпизоды и даже отдельные выражения. Именно здесь, как нам кажется, можно найти примеры как народной, так и феодальной идеологии.

³³ Подробнее об этом см. А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». ВВ, XVIII, 1960, стр. 132 сл. Быть может, характерна в этом отношении и другая параллель — между прадедом Дигениса Муселомом (*Т* 56, *А* 491, *Э* 146) и некоторыми представителями знатного рода Муселе, вступавшими в конце VIII — первой половине IX в. в конфликты с императорским двором.

³⁴ А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы..., стр. 115 сл.

³⁵ Н. Schreiner. Die Helden der Mittelgriechischen Volksdichtung als Weh-ger des Volkstums und Retter des Vaterlandes. ИБАИ, т. IX, 1935, стр. 204 сл., 211.

³⁶ P. Kalonaros. Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας, т. I. Αθήναι, 1941, р. 229; Ἀ. Μηλιαράκης. Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας... Ἐν Ἀθήναις, 1881, σελ. ββ'. В другом месте словом «πατρίς» называет свой родной город дочь Аплорравда (*ГФ* V, 122; *Т* 1720, *А* 2609).

³⁷ Фактор этот, в частности, склонен, по нашему мнению, переоценивать А. П. Каждан («Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии». ВВ, V, 1952, стр. 86).

³⁸ Ср., например, Г. Дестунис. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. СПб., 1883, № 1, 8, 14, 21, 23.

Можно предположить, что феодальная идеология отразилась не в самой знатности героя, а в неоднократном подчеркивании этого обстоятельстве. В предыдущей статье мы останавливались уже на генеалогии Дигениса³⁹. Благородное происхождение героя одинаково подчеркивается во всех версиях поэмы, и мы ограничимся здесь примерами из *ГФ*. Вступление называет Дигениса «храбрейшим» и «благороднейшим» (γενναϊοτάτου — I, 13). Ἐν ἀμνησίς τῶν εὐγενῶν — так начинается (I, 30) повествование об отце героя. «Мы... из благородных ромеев» (ἐξ εὐγενῶν Ῥωμαίων), — говорят эмиру братья похищенной девушки — потомки Дук и Киннаматов (I, 265 сл.). Мать их (бабка Дигениса) происходит от Константина (I, 267), по-видимому, императора Константина Великого⁴⁰; она тревожится, усвоит ли жених ее дочери нравы «благородных ромеев» (II, 23). «Благороднейшей» зовет эмир свою супругу — мать Дигениса (II, 277; ср. III, 13). Сам Дигенис назван «благородным цветком» (III, 54); он «отпрыск благородных ромеев» (IV, 63), «благородный ребенок» (IV, 91, 229, ср. 101), «благородный Акрит» (IV, 104; ср. также IV, 324, 689; V, 11; VII, 178, 202; VIII, 224, 234, 253, 300, 302); Благородством отличается и жена Дигениса (IV, 264—*Παρίδοξον τὸ γένος*; ср. IV, 347, 360, 457, 562, 579, 813; VI, 29; VII, 178; VIII, 234, 300). К ней сватается множество благородных вельмож и царских родичей (πολλοί... τῶν εὐγενῶν ἄρχοντες μεγιστάνες καὶ βασιλέων συγγενεῖς... καὶ τέκνα βασιλικῆν παράταξιν ἔχοντες — IV, 486—488; ср. 292). Знатны и родичи отца героя (VIII, 17), и все греки и арабы, собравшиеся на похороны Дигениса и Евдокии (ἄρχοντες — VIII, 203; δοκιμοί — 205; ἐκλεκτοί — 206; εὐγενεῖς — 207; μεγιστάνες, ἄρχοντες — 246).

Поэма говорит и о богатстве Дигениса; род его, по словам Евдокии, из самых богатых (τῶν πλουσιωτάτων — IV, 324). Герой живет в роскошном дворце. Он владеет землями, слугами, получает за женой поистине царское приданое (характеристика свидетельств поэмы о памятниках материальной культуры выходит за рамки настоящей статьи). Однако богатство отнюдь не является для героя высшим идеалом. Дигенис говорит стратигу Дуке, что берет его дочь ради красоты; ему нет дела до богатств и владений — все это он готов уступить ее братьям, ему же нужна красота, а не приданое⁴¹. Посылать людям богатство и бедность — во власти одного бога (IV, 743 сл.). Об этом же напоминает он супруге и в своей предсмертной речи (VIII, 77 сл.). Когда император предлагает герою взять у него все, что тот пожелает, Дигенис отвечает, что с него довольно одной императорской милости, ибо «несправедливо брать...» (IV, 1030). Наконец, советуя молодой жене не оставаться одинокой после его смерти и взять себе другого мужа, герой наказывает ей не соблазняться богатством или славой, а идти за отважного и благородного отрока (ἀνδρεῖον ἄγουρον πολυμῆδον καὶ γενναῖον — VIII, 139—140).

В поэме рядом с основными героями выступают и сопровождающие их воины; обычно речь идет о сравнительно небольшом отряде бойцов,

³⁹ А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 132 сл.

⁴⁰ Ср. Nisernogus Bruennius. Bonnae, 1836, p. 13. 5—13. Следует отметить, что подчеркивание знатности и родовитости вообще характерно для византийской исторической литературы того периода (см. R. Guillaud. La noblesse de race à Byzance. BS, vol. IX, 1948, p. 307 sq., 313). Ср., например, легендарный рассказ о происхождении Василия I от парфянских царей (Theoph. Conf., p. 212. 20 sq.; ср. ibid., p. 216. 2—4; 458. 9 и др.). Ср. А. П. К а ж д а н. Из истории..., стр. 84. В данном случае характерно и указание поэмы на знатность героев не только по отцовской линии, но и по материнской (см. R. Guillaud. Op. cit., p. 310—311).

⁴¹ Столь же бескорыстным предстает Дигенис и в народных песнях (ср. P. K a l o s. Op. cit., I, p. 119).

следующем за самим Дигенисом, эмиром и т. д. И здесь перед нами характерная деталь жизни византийского вельможи, окруженного обычно свитой слуг, часто — слуг-воинов⁴². Впрочем, лица эти, особенно там, где действует главный герой не играют в повествовании почти никакой роли. Здесь мы, разумеется, имеем в виду не войско, с которым полководец отправляется в поход (например, войско эмира — I, 45 сл.; IV, 38; его дяди — II, 76; стратига Дуки — IV, 609 сл.; императора — IV, 1086; Максимо и Филопаппа — VI, 440 сл.), а именно свиту, сопровождающую вельможу в разных случаях. Так, небольшой отряд бойцов (*ὀλίγους στρατιώτας* — I, 87) следует за братьями, разыскивающими сестру; эмир едет в Романию в сопровождении юных слуг-воинов (*ἄγουρος* — II, 2). Стми же «отроками» отправляется он к матери в Сирию (II, 295, 300; III, 22); к ним он обращается в пути (III, 40 сл.), прося их быть по-расторопнее. Он называет их: *ἄρχοντες, φίλοι, ἀδελφοί* — III, 41; A 929, намекая тем самым на их знатность. Интересно, что, по его словам, они вступили с ним в договор, поклявшись умереть за него, если придется (*συνταγὰς γὰρ ποιήσατε καὶ πολλὰς ὑποσχέσεις, ἃς ὑπέσχετε λέγοντες δι' ἐμοῦ ἀποθνήσκειν* — III, 43—44), и он напоминает, как он спас их в битве при Меллокопии (III, 65 сл.) Он намного превосходит отвагой своих спутников: когда им встречается страшный лев, то воины эмира в ужасе убегают, лишь он один остается на месте и ударом дубинки убивает зверя (III, 93 сл.). Отроки беспрекословно повинуются ему и стараются как можно скорее достичь Сирии (III, 84 сл.; 108 сл.). 'Αἰγουροι сопровождают эмира и юного Дигениса на охоту (IV, 105, 247). Здесь они не играют никакой роли и лишь восхищаются Дигенисом. Герой берет с собой спутников (*λαόν... ἰδίον του* — T 1042, A 1580; ср. T 1088, A 1653), выезжая на поиски апелатов, но и здесь его слугам нечего делать. Три тысячи отроков выезжают вместе с эмиром навстречу новобрачным — Дигенису и Евдокии (ГФ IV, 790). Что касается последующих подвигов Дигениса, то здесь он вообще обходится без спутников (см. выше, стр. 133).

Итак, Дигенис — во многом типичный византийский вельможа, но вместе с тем он наделен рядом фольклорных черт и мало похож на полководца, воюющего с арабами. Обращает на себя внимание, что он ни разу не становится во главе войска, а, наоборот, всячески избегает его и предпочитает одиночество⁴³.

Одновременно Дигенис является идеальным образом пограничного воина, акрита. Акриты⁴⁴ владели небольшими участками земли и в отличие от других стратиготов находились в несколько более привилегированном положении. Согласно книге «О церемониях», когда император находился на границах, обычная его свита заменялась отрядами

⁴² О такой свите сообщают и другие источники X в. Например, Лев Диакон (Leonis Diaconi Caloensis Historiae. Bonnae, 1828, p. 94. 12—13) пишет о благородных юношах, следовавших за Василием Нофом (*μετὰ σπειράς γενναίων νεανίσκων ἐπισπόμενος*). Знатный каппадокийский вельможа Михаил Малейн имел при себе в пути слуг, следовавших за ним для помощи (*συνεπιμένον αὐτῷ πρὸς ὑπηρεσίαν λαόν* — см. «Vie et office de Saint Michel Maléinos», publ. par L. Petit. «Revue de l'Orient Chrétien», an. 7, 1902, p. 552. 28—29). Ср. А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии X в. ВВ, XI, 1956, стр. 117—118.

⁴³ Ср. А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 129.

⁴⁴ См. о них: Σ. Κυρτάχιδης. 'Ακρίτας. «Ἐγκυκλοπαιδικὸν Λεξικόν», т. I. 'Εν' Ἀθήναις, 1927, σελ. 650—651; К. Kumbacher. Geschichte..., S. 832. Об акритах — командирах пограничных областей — см. P. Lemerle. Op. cit. p. 81—82. Характеристика воинской среды, в которой возник «Дигенис Акрит» и тематики песен акристокского цикла дана в упомянутом исследовании В. Д. Кузьминой.

акритов из 500 воинов⁴⁵. Системе покровительства акритам приходит конец лишь при Палеологах. Имя «Акрит» было нарицательным для византийского героя — только так можно объяснить упоминавшееся уже обращение Феодора Продрома к Мануилу Комнину⁴⁶. Милости императора, оказанные Дигенису Акриту, С. Кириакидис сопоставляет со свидетельством Георгия Пахимера⁴⁷ о посещении границ Михаилом VIII Палеологом, который призывает к себе акритов, раздает им подарки и вслед за тем отправляется в Ахайю (ср. А 2419—2420). Дигенис олицетворяет силу, отвагу и стойкость акритов⁴⁸, вокруг которых сложился цикл народных греческих песен⁴⁹. Его прозвище дважды объясняется в поэме. Дигенис был прозван Акритом, так как подчинил себе границы (τὰς ἄκρας ὑποτάξας — ГФ IV, 53; Т 833 говорит об охране границ — τὰς ἄκρας φυλάσσων; А 1366 — ἐφόλα γεν τὰς ἄκρας), а также потому, что правил на границах (εἰνεχα τοῦ ἄρχειν εἰς τὰς ἄκρας — ГФ IV, 1089) согласно хрисовулу, пожалованному ему императором. Поэма свидетельствует об ореоле, которым было окружено это имя в Византии. Император Василий, как уже говорилось, назван в ГФ IV, 56 «великим акритом». Вместе с тем из поэмы видно, что имя это употреблялось и для обозначения воинов-мусульман, живущих у границ: ГФ I, 155 говорит об одном дилебите⁵⁰ из сарацинов в войске эмира, называя его акритом — τῶν Σαρακηνῶν ἀκρίτης Διλεβίτης.

Дигенис и его родичи постоянно окружены прислугой — деталь эта тоже характерна для быта византийского феодала, хотя сама по себе не свидетельствует о феодальной идеологии. Ценными в этом отношении были бы указания на то или иное отношение к слугам, но здесь, к сожалению, из поэмы почти ничего нельзя почерпнуть. Слуги в «Дигенисе Акрите» — это, как правило, немые персонажи, детали обстановки, окружающей героев; ни хорошего (если не считать нескольких ласкательных обращений), ни плохого поэма о них не говорит. Так, при братьях, отправившихся на поиски сестры, есть переводчик (δραγουμάνου — ГФ I, 217; А 418). Мать Дигениса окружена в своих покоях служанками (βάγιαи — III, 267; ср. Т 704, А 1225). Служанки есть и у Евдокии, в доме ее отца, стратига Дуки (IV, 281, 319 — βάγια; ср. IV, 282 — ласкательное βαγίτζα μου; IV, 320 — βάγια μου καλή; ср. также IV, 607, 613 — οἰκετιδες). Невесте Дигениса стыдно, что на встречу с родителями жениха она едет одна, без служанок (IV, 810). Новобрачных Дигениса и Евдокию встречают οἰκετιδες (IV, 845, 878). Во время свадебного пира (IV, 886 сл.) их развлекают мимы (μίμων), флейтисты (αὐλητῶν), танцовщицы (χορευτρίων). У Дигениса есть главный конюший (πρωτοστράτωρ — IV, 375; Т 1302 и А 1790 говорят просто о конюшем — στράτωρι). Стратиг обещает дать ему в приданое (IV, 717 сл.; Т 1311 сл.; А 2120 сл.) восемьдесят конюхов (IV, 717; ср. 903), четырнадцать поваров (μαγειρους), четырнадцать пекарей (μάγειρας) и полтора ста других слуг (φυχάρια); в перечне свадебных подарков упомянуты двенадцать молодых

⁴⁵ De cerim., I, p. 489. 6 sq; ср. К. К r u m b a c h e r. Op. cit., S. 832; С. S a t h a s, E. L e g r a n d. Les exploits de Digénis Akritas. Paris, 1875, p. CXXIX—CXXX.

⁴⁶ Ср. Г. Д е с т у н и с. Указ. соч., стр. 62 сл.

⁴⁷ Georgii Pachimera De Michaele et Andronico Palaeologis libri 13, vol. I. Bonnae, 1835, p. 98. 14—108. 1; ср. S. K y r i a k i d e s. Forschungsbericht zum Akritas-Epos. München, 1958, S. 23 f.

⁴⁸ Ср. N. В а у н е s, Н. M o s s. Byzantium. Oxford, 1949, p. 299.

⁴⁹ Ср. Σ. Κ ο ρ ρ ι α κ ῖ δ η ς. Ἀκρίτας, σελ. 651.

⁵⁰ Название это сопоставляется с названием одного из тюркских племен («дилемиты»). Ср. E. H o n i g m a n n. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935, S. 164.

слуг (οικέτας νέους — IV, 903) и десять юношей-евнухов (ἀσκειάστους — IV, 924—925). В *T* 1397 и *A* 2261 речь идет также о девочках-прислужницах (τσολλάτας), в *T* 1409 и *A* 2273 — о рабах и рабынях (δούλους καὶ δουλίδας). Отправляясь с женой на границы, герой берет с собой *ιδίους οικέτας* (IV, 957) и двух прислужниц для жены (βάργαι — IV, 962), живших в отдельной палатке (ср. VI, 722 сл. — θαλαμηπλόους). Во дворце Дигениса среди других слуг есть мальчик-виночерпий (παῖς οἰνοχόος — VIII, 199) и стольничий (τραπέζιτης — VIII, 200). Имеется свидетельство о слугах апелатов (см. о них ниже). Так во время первой своей встречи с апелатами Дигенис сталкивается с их водоносом (ὕδροφόρον — *T* 1053 сл., *A* 1594). В тексте упоминаются и рабы (δούλοι). Поэма говорит, что в результате побед Дигениса ромей, томившийся в плену, сами стали владеть своими бывшими хозяевами как рабами (ὡς δούλους — *ГФ* VII, 218). Впрочем, характер употребления δούλος в «Дигенисе Акрите» вряд ли позволяет сделать какие-либо заключения. Словом этим поэма неоднократно называет пленников (*ГФ* II, 61, 189; VI, 278; VII, 209, 218). В ряде случаев оно употреблено в переносном смысле (*ГФ* IV, 47, 98, 505, 680, 755, 988). Более характерно отмеченное уже упоминание *T* 1409 и *A* 2273 о δούλους и δουλίδας в свадебном приданом.

Единственное место, свидетельствующее о жестоком обращении Дигениса со слугами, содержится лишь в *T* 1460 сл. и *A* 2326 сл. Однажды повар его рассердился (*T* 2460 — χολιάζει; согласно *A* 2326, он стал возражать — ἀντίειλε), и Дигенис так ударил ослушника, что вышиб ему глаза и сделал слепым на всю жизнь. После этого, впрочем, он запретил кому-либо, кроме Евдокии, приближаться к себе. Жестокость эта не встречается у автора никакого осуждения. Не исключено, что поэма отразила здесь феодальную идеологию⁵¹. Следует, однако, сказать, что эпизод этот вряд ли является оригинальным и самостоятельным — весьма возможно, что он был вставлен в отдельные редакции поэмы под влиянием схожего предания об Александре Македонском и его поваре, нашедшем и потерявшем «воду жизни»⁵².

В поэме широко представлен еще один социальный слой. Это апелаты [ἀπελάται — буквально: «угонщики» (скота)]⁵³, которые скрывались в потайных местах и отрядами совершали свои нападения. Римское и византийское законодательство предусматривало для апелатов жестокие наказания⁵⁴. Судя по поэме, все они живут на границах (*A* 2421—2422) в страшных ущельях (κλεισοῦρας — *T* 3096, *A* 4333) и похищают, по-видимому, не столько скот, сколько людей (ср. *T* 1078, *A* 1616). Манера, в которой говорится в «Дигенисе Акрите» об апелатах, весьма своеобразна: *ГФ* IV, 33 сл. ставит их главарей в один ряд с древнегреческими героями, которых затмил эмир. Предводитель апелатов Филопапп вспоминает о том, сколько земель он покорил в былые времена и сколько врагов склонилось перед ним (*ГФ* VI, 355 сл.; *T* 2227 сл.; *A* 3304 сл. — он не уточняет, были ли его соперники византийцами или арабами). Это делает весьма сомнительным проводившееся всеми исследователями полное отождествление апелатов поэмы с теми самими

⁵¹ А. П. К а ж д а н. Крестьянские движения..., стр. 86—87.

⁵² Ср. J. M a v r o g o r d a t o. *Digenes Akrites*. Oxford, 1956, p. XL.

⁵³ Подробнее о значении этого слова и неправильном его толковании некоторыми исследователями («изгнанный») см. К. К r u m b a c h e r. *Geschichte...*, S. 833; J. M a v r o g o r d a t o. *Op. cit.*, p. XXXVI—XXXVII; N. A. Βέης. Ἀπελάτης. «Ἐγκυκλοπαιδικὸν Λεξικόν», т. II, σελ. 279—280.

⁵⁴ Dig., XLVII, 14; *Ecloga*, XVII, 13; Prochiron, XXXIX, 56; *Epanagoge*, XL, 73; *Basilika*, LX, 25, 4. Ср. K. E. Z a c h a r i ä v o n L i n g e n t h a l. *Geschichte des griechisch-römischen Rechts*. Aalen, 1955, S. 340.

«угонщиками», которых преследовали византийские законы. В связи с этим важно отметить, что это название отнюдь не всегда употреблялось в византийских источниках в отрицательном значении. Так, у Константина Багрянородного под апелатами подразумеваются легковооруженные воины, предназначенные для грабительских набегов на вражеские земли⁵⁵. Отнюдь не столь враждебно относятся к ним и наша поэма. Судя по стихам *ГФ* IV, 33 сл., песни об апелатах, по-видимому, предшествовали песням о Дигенисе, но были вытеснены акритскими песнями; на смену старым героям пришли новые (ср. *Т* 801 сл.; *А* 1333 сл.)⁵⁶. Однако, несмотря на превосходство эмира и в особенности Дигениса над апелатами, популярность апелатов, отразившаяся в фольклоре, сказанная и в нашем памятнике. В поэме отсутствует какая-либо предвзятая вражда к апелатам или осуждение их. Рассказ о первой встрече героя с апелатами начинается с того, что он слышит об этих отважных (*πολλὰ ἀνδρειωμένους*) людях, которые держатся в теснинах и совершают подвиги (*ἀνδραγαθίας* — *Т* 1044 сл., *А* 1582 сл.), и отправляется на их поиски. Видя льва, убитого «чудесным» (*τοῦ θαυμαστοῦ*) Иоаннакисом, Дигенис произносит с восхищением: «Когда же, глаза мои, вы увидите этих храбрецов!» (*Т* 1052; *А* 1590). Не зная еще, насколько он превосходит силой апелатов, юноша сам стремится стать одним из них — так говорит он их водоносу (*Т* 1058; *А* 1596; *Э* 643 сл.) и самому Филопаппу (*Т* 1068 сл.; *А* 1606 сл.; *Э* 654 сл.). В *А* 1921 и *Э* 891 Дигенис, уверяя Евдокию в своей любви, клянется ей «святым Феодором, великим апелатом» (*μὲν τὸν ἅγιον Θεόδωρον, τὸν μέγαν ἀπελάτην*; *А*, 355 дает здесь: *μέγαν στρατιώτην*; *ГФ* IV, 477 говорит о святых мучениках Феодорах). Интересно, что *Э* 622 называет Дигениса: *φῶς τῶν ἀπελάτων*, а двумя стихами ниже (624) апелаты характеризуются как *εὐγενικοὶ* и *ἀνδρεῖοι*. Апелаты в войске Максимо названы *μέγιστοι* (*ГФ* IV, 547). Вообще поэма неоднократно награждает лестными эпитетами главарей апелатов — Филопаппа, Киннама, Иоаннакиса, восхваляя их доблесть и боевое искусство (ср. *ГФ* VI, 207 сл., 218, 237, 355 сл.). Разумеется, превосходство Дигениса над апелатами неоднократно подчеркивается во всей поэме; герой не раз побеждает их и держит их в страхе (*ГФ* IV, 965 сл.; VI, 116 сл.; *Т* 2002 сл.; *А* 2966 сл.; *Э* 1151 сл. и др.). Но это и понятно — ведь он приходит им на смену и «послан самим богом на страх апелатам» (*Т* 932, *А* 1469).

Приведенные примеры вряд ли дают основание характеризовать отношение автора поэмы к апелатам как резко отрицательное и делать отсюда вывод о феодальной идеологии поэмы⁵⁷. Если и видеть в отдельных стихах «Дигениса Акрита» следы враждебного отношения к апелатам (например, описание их убежища как *λησταρχεῖον... τὸ φοβερὸν καὶ ξένον* — *Т* 1060, *А* 1598; сравнение Киннама и Иоаннакиса с лающими псами — *ГФ* VI, 242 и т. д.), то оттенок этот естественно вытекает из идеи превосходства Дигениса (причем превосходства физического, душевного, но отнюдь не сословного) и вряд ли связан с феодальной идеологией автора. Последнее, тем менее, вероятно, если иметь в виду значение *ἀπελάτης* у Константина VII — значение, как нам кажется, во многом близкое характеристике апелатов в «Дигенисе». Но если даже допустить, что поэма

⁵⁵ De cerim., I, p. 696. 4; ср. *ibid.*, II, p. 820—821. См. также: Н. Gluckatz i - A r t w e i l e r. Recherches sur l'administration de l'empire Byzantin aux IX-e — XI-e siècles. Paris, 1960, p. 121.

⁵⁶ Ср. А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 145.

⁵⁷ А. П. К а ж д а н. Крестьянские движения..., стр. 87; е г о ж е. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 367.

отождествляет апелатов с разбойниками (это, кстати, не подтверждается известными нам версиями)⁵⁸, то и враждебность к разбойникам знакомом фольклору — взята хотя бы русские народные былины об Илье Муромце. С другой стороны, и в самих греческих акритских песнях отношение к Филопаппу отнюдь не всегда благожелательно⁵⁹. Так, в одной из песен Дигенис нападает на Филопаппа, посланного сватом и не выполнившего данного ему поручения⁶⁰. Замена старых народных героев новыми (с естественным принижением первых) вполне могла совершаться в рамках фольклора, откуда и перешла в ученую поэму; видеть здесь результат феодальной антипатии вряд ли есть необходимость.

Заметим в этой связи, что текст поэмы не дает достаточных оснований и для трактовки апелатов как «представителей трудящихся, поднимавших возмущения против несправедливости существующих порядков»⁶¹. А. П. Каждан, на наш взгляд, несколько переоценивает стих *T* 1078, прямо свидетельствующий, по его мнению, «о том, что апелаты выступают против архонтов»⁶². В этом месте, однако (после стиха 1078 в *T* лакуна, восстанавливаемая с помощью *A* 1617 сл.), Филопапп лишь предлагает Дигенису (тоже «архонту») подстеречь знатную свадебную процессию, ворваться в середину, похитить жениха и невесту (или только новобрачную) и доставить их апелатам — так докажет он свою силу: *ὄταν ληροῦν οἱ ἄρχοντες μετὰ πολλοῦ τοῦ πλήθους ἔχοντες νόμφην καὶ γαμφρὸν ἢ ἔμπης εἰς τὸ μέσον, ἢ πέρης νόμφην... ἐδῶ ἢ τὴν ἐφέρης...* и т. д. Здесь, конечно, Филопапп говорит об одном из характерных «подвигов» апелатов, но видеть в этом задании или в упоминавшихся уже попытках апелатов похитить жену Дигениса борьбу против социальной несправедливости вряд ли есть основания. Поэма, как уже отмечалось, и самих апелатов называет «благородными» (*Э* 624); говорит она и о славном происхождении Максимо (*ГФ* VI, 386 — 387) — родственницы Филопаппа, Киннама и Иоаннакиса. Вспоминающий о своих победоносных походах Филопапп (*ГФ* VI, 355 сл.; *T* 2227 сл.; *A* 3304 сл.) весьма похож на знатного византийского военачальника. То же можно сказать и о первом воине Максимо — Мелимидзисе, набирающем в ее войско апелатов (*ГФ* VI, 427 сл.); не исключено, кстати, что возможным историческим прототипом этого предводителя апелатов был стратег фемы Ликанд Мелиас⁶³.

Все это вряд ли дает возможность ставить апелатов «Дигениса» в один ряд с *latrones* и *scamatae*⁶⁴ или видеть в отношении к апелатам какие-либо следы феодальной идеологии. Следует еще раз подчеркнуть, что для Дигениса апелаты — не слуги и не бунтовщики, а неудачливые соперники. Исследователи не без оснований сопоставляли апелатов, выведенных в «Дигенисе Акрите», с клефтами — любимыми героями новогреческих

⁵⁸ Поэма нигде не называет апелатов разбойниками (*λησταί*) — последние упоминаются здесь совершенно самостоятельно (*ГФ* I, 296 — подчинение эмиром разбойников; *ГФ* III, 308 — слова эмира Дигенису о том, что тот подчинит разбойников; *ГФ* V, 216, *T* 1617, *A* 2504 — о Мусуре, нигде не названном апелатом).

⁵⁹ Ср. А. П. Каждан. Крестьянские движения..., стр. 88; е г о ж е. Деревня..., стр. 367—368.

⁶⁰ Р. Καλοναγός. *Op. cit.*, I, p. 175—176.

⁶¹ А. П. Каждан. Крестьянские движения..., стр. 87.

⁶² Там же; ср. е г о ж е. Деревня..., стр. 367.

⁶³ H. Grégoire. *Notes épigraphiques*, VII. Mélias le Magistre. *Byz.*, VIII, 1933, p. 79—88; N. Adontz. *Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digénis Aktitas*. *BZ*, XXIX—XXX, 1929—1930, S. 216.

⁶⁴ А. П. Каждан. Крестьянские движения..., стр. 87.

песен⁶⁵. И действительно, поэма сохраняет следы популярности, которая некогда окружала этих «угонщиков скота»; они сражались с тысячными войсками, завоевывали города и страны, стыдились нападать вместе на одного и уступили место одному лишь непревзойденному Дигенису.

III

«Дигенис Акрит» в полной мере отразил религиозную идеологию своей эпохи — восхваление православия занимает в поэме значительное место⁶⁶. Автор не чужд религиозного прозелитизма, связанного, по-видимому, с событиями 920—930 гг. — обращением отдельных арабских вождей и целых племен в христианство⁶⁷. В христианство переходят эмир (ГФ I, 306; II, 41), его мать (III, 228 сл., 330), его родичи и соплеменники (III, 236 сл., 332; VIII, 9 сл.), дочь Аплорравда (V, 226 сл.). Надо, впрочем, отметить, что эмира и дочь Аплорравда толкнуло на это отнюдь не благочестие, а любовная страсть. Зато обращение родичей эмира совершается по всем правилам. Эмир выступает с длинной речью о преимуществах христианства (ГФ III, 160—227; T 565—613; A 1081—1130; Э 543—559). Он произносит никейский символ веры, восхваляет троицу, говорит о страшном суде, о царствии небесном, ожидающем праведников, и о геенне огненной, уготованной для грешников. Обращенный в христианство араб сам становится ревностным поборником православия. Живя со своей супругой и сыном, эмир проводит все дни, «размышляя над путями господними» (T 1032). Полон благочестия и Дигенис: он выстраивает рядом со своим домом храм св. Феодору (VII, 104 сл.), неоднократно призывает на помощь и благодарит господя, богородицу, святых. Та же религиозность свойственна и жене героя, его матери, дядьям, тестю. «Пусть не будет мне места среди христиан!» — такова самая страшная клятва в устах эмира (II, 259). «Пусть в христианстве не умру!» — так клянется Дигенис Евдокии, уверяя ее в своем постоянстве (IV, 560). Около сотни раз упоминается в ГФ бог (θεός, κύριος). Он — творец земли, неба, всего сущего (ГФ, III, 171 сл.; VI, 275; VIII, 153 сл.); он знает все скрытое и справедливо воздает за все (ГФ II, 274; T 2663, 2666); он — податель всех благ (ГФ IV, 948). Власть — это «дар божий, десница всевышнего» (IV, 1041). Господь дарует Дигенису силы (IV, 146 сл.) и победу над врагами (VI, 690 сл.). Он посылает сны людям, чтобы сделать тайное явным (II, 134 сл., 177). Поэма неоднократно упоминает троицу, Христа, богородицу, ангелов, а также святых воинов, покровителей Дигениса, — Георгия (I, 23; VI, 704), Димитрия (I, 25; VI, 704), Феодора Стратилата и Феодора Тирона (I, 21—22; IV, 477, 907; VI, 700; VII, 105). Обращение к Христу содержится и в заключительных стихах (ГФ VIII, 301 сл.; A 4776 сл.), которым предшествуют рассуждения о тщете всего немногого, о том, сколь непрочны юность, наслаждения и все блага в этом

⁶⁵ Ср. C. Sathas, E. Legrand. Les exploits..., p. CL, n. 2; A. H. Веселовский. Отрывки византийского эпоса в русском. «Вестник Европы», ч. 10, т. II, 1875, стр. 753; Ch. Gidel. Nouvelles études sur la littérature grecque moderne. Paris, 1878, p. 299; A. Eberhard. Über ein mittelgriechische Epos vom Digenis. «Verhandlungen der 34. Versammlung Deutscher Philologen und Schulmänner in Trier, vom 24 bis 27 September 1879». Leipzig, 1880, S. 50; A. Rambaud. Une épopée byzantine au X-e siècle. «Revue des deux mondes». XLV an., pt. 3, t. X, 1875, p. 929.

⁶⁶ Ср. 'Α. Μηλιάρακης. Op. cit. сел. ιά; P. Pavolini. L'epopea bizantina di Digenes Akritas. «Atene e Roma», XIV, 1911, p. 323; A. Eberhard. Op. cit., S. 57; Ш. Диль. Византийские портреты. Вып. 2, М. 1914, стр. 349—350 и др.

⁶⁷ Ср. А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 139.

мире (*ГФ* VIII, 286 сл., *А* 4727 сл.)⁶⁸. Дигенис глубоко убежден, что к грехам его толкает сатана — «покровитель мрака, враг и ненавистник нашего рода» (*V*, 251—252). Он верит, что на том свете его ждет расплата за грехи (*V*, 254), и кается в своих проступках (*V*, 15 сл.; *VI*, 605 сл.). Как возмездие за грехи воспринимают они с женой свою бездетность (*VII*, 187—188). Поэма содержит и ряд библейских реминисценций⁶⁹, на которых мы здесь не будем останавливаться⁷⁰. Возможно, что *ГФ*, принадлежащая, по-видимому, какому-то монаху, в несколько большей степени, чем другие версии, сохранила налет религиозной идеологии. Однако разница между версиями поэмы в этом отношении не так уж велика. Уже М. Сперанский отметил, что благочестивые места в обоих текстах (*ГФ* и *Т—А*) почти всегда совпадают. Это, по его мнению, дает возможность «предполагать выраженным то же настроение и в их архетипах»⁷¹. Вполне благочестива и наиболее близкая к фольклору *Э*.

В этой связи следует еще раз вернуться к поднятой А. Грегуаром и Н. Адонцем проблеме «павликианства» «Дигениса Акрита». Разбирая вопрос об историчности отдельных персонажей поэмы, мы уже имели случай отметить полное отсутствие в поэме каких-либо следов павликианского настроения⁷². Если прототипами некоторых предков Дигениса и служили вожди павликиан (Хрисохир, Карвеас), то в поэме эти лица полностью слиты с мусульманами; как уже говорилось, это характерно для византийской традиции X в. Поэма не содержит абсолютно ничего «еретического» ни в связи с Хрисовергом и Кароеом, ни в каком-либо другом месте и является вполне ортодоксальной. По остроумному замечанию Дж. Маврогордато, тому, кто ищет в «Дигенисе» следы павликианской доктрины, остается разве только увидеть в имени героя проповедь манихейского дуализма⁷³. Не учитывают Грегуар и его сторонники и того существенного обстоятельства, что павликианство как влиятельная в Византии сила было в значительной мере уничтожено задолго до создания

⁶⁸ Заметим в этой связи, что слова врачей умирающему Дигенису о том, что тот никогда уже не возьмется за оружие, что исчезли его сила, богатство, отвага, что душа его скоро оставит тело и могила скроет могучего героя (*Т* 3152—60, *А* 4407—15), не так далеки от христианской идеологии и вряд ли свидетельствуют о языческом восприятии смерти (ср. А. П. К а ж д а н. Рец. на кн. А. Грегуара «*Ο Διγενής Ἀκρίτας*». ИАН СССР, серия ист. и филос., т. V, № 2, 1948, стр. 212—213). Стихи эти — в полном соответствии с благочестивой канцовой *ГФ*, *А*, *Э* (конец *Т* утрачен) — говорят лишь о бренности всего земного, о смерти тела; они вполне созвучны по настроению стихам *А* 4727 сл., которые никак нельзя назвать еретическими (при этом не следует забывать, что поэма о Дигенисе при всей ее благочестивости — все же не житие святого). Кстати, отмеченные отрывки *Т* и *А* отнюдь не свидетельствуют об ином настроении этих версий в сравнении с *ГФ* (указ. рец., стр. 212). Достаточно сравнить это место со сценой плача по умершему Дигенису (*ГФ* VIII, 249 сл.), содержащей те же самые мотивы (гибель могущества, отваги, красоты; гробница, стерегущая героя, и т. п.). Загробный мир воспринимается в указанных версиях поэмы как конец плоти, но отнюдь не духа, и вряд ли можно в этом отношении говорить о «свободомыслии» автора поэмы (А. П. К а ж д а н, Г. Г. Л и т а в р и н. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, стр. 138). При этом черты язычества отнюдь не чужды «Дигенису Акриту» — речь о них пойдет ниже.

⁶⁹ Ср. А. Е b e r h a r d. Op. cit., S. 57.

⁷⁰ А. Любер усматривает даже в биографии Дигениса влияние евангельского образа Христа (проявление его силы в возрасте 12 лет и смерть в 33 года). См. А. L u b e r. Digenis Akritas. Salzburg, 1885, S. 9. Вряд ли есть необходимость в таком предположении. Перед нами, скорее всего, дань символике чисел, столь распространенной в средние века. Если же говорить здесь о влиянии какого-либо образа, то речь может идти, вероятней всего, об Александре Македонском.

⁷¹ М. С п е р а н с к и й. Указ. соч., стр. 92 сл.

⁷² А. Я. С ы р к и н. Об историчности..., стр. 139 сл. 148; ср. J. M a v r o g o r d a t o. Op. cit., p. XLV.

⁷³ J. M a v r o g o r d a t o. Op. cit., p. LXIV.

«Дигениса Акрита» — вряд ли меньше сотни лет должно было пройти между разгромом павликианского движения в 70-х годах IX в. и возникновением первоначальной редакции поэмы (см. выше, стр. 133), разумеется, соответствующей в основных своих чертах ГФ, Т и А, ибо какое-либо иное понимание этой не дошедшей до нас редакции делает обсуждение вопроса совершенно беспредметным.

Несколько в иной плоскости лежит вопрос об участии павликиан в византийском эпическом творчестве. Такие уже отмечавшиеся нами ⁷⁴ сцены, как восхваление устами Панфии подвигов Хрисоверга (ГФ II, 60—69; Т 187—195; А 642—653) и Кароеса (ГФ II, 76—79), убийство Дигенисом Судалиса (А 2024 сл.; Э 928 сл.), при всех своих неясностях вполне могли восходить к павликианской традиции, к песням, слагавшимся мамами павликианами ⁷⁵. К сожалению, памятники подобного рода до нас не дошли, а известные нам тексты «Дигениса Акрита» не дают возможности судить о степени такого участия. Ссылаться же на *неизвестные* тексты поэмы, как это склонен делать А. Грегуар ⁷⁶, вряд ли убедительно. Строго говоря, отмеченные эпизоды не позволяют с уверенностью констатировать и самый факт использования в «Дигенисе Акрите» павликианской традиции. Свидетельство Масуди (умер ок. 956—957 гг.) о том, что среди изображений знаменитых воинов в одной из греческих церквей находились изображения нескольких мусульманских полководцев и павликианского вождя Карвеаса ⁷⁷, показывает, что восхваления павликиан, поскольку речь шла не о догматике, а о военной доблести, вполне могли исходить из уст ортодоксальных византийцев; об этом же говорит и отношение автора поэмы к мусульманам (ср. ниже). Крайне сомнительны поиски павликианства и во взаимоотношениях Дигениса с императором (основной аргумент А. Грегуара). Битва между ними известна лишь из Тихомировской редакции русской повести, лишенной и тех скудных павликианских реминисценций, которые приводят греческие тексты. В предыдущей статье ⁷⁸ мы уже останавливались на том, сколь ненадежна проекция этого эпизода в неизвестный нам греческий оригинал и тем более в архетип поэмы. Но если и допустить такую проекцию, то нет никакой нужды объяснять это столкновение павликианской тенденцией. Враждебно-недоверчивое отношение героя к императору и его войскам действительно прослеживается в греческих версиях поэмы, и оно вполне соответствует некоторым чертам идеологии этого памятника — идеологии провинциальной военной знати, отстаивавшей свою независимость от центральной власти. Если мы учтем, что первоначальная редакция поэмы о Дигенисе оформлялась примерно в тот период, когда борьба эта достигла высшего напряжения (восстания 70—80-х годов X в.), то станет ясно, насколько естественнее объяснять отношение Дигениса к императору (да и предполагаемую битву между ними) современной автору обстановкой, чем давно уже миновавшими конфликтами с павликианами. При непредвзятом подходе проблема павликианства в византийском эпосе в лучшем случае сводится к допущению в о з м о ж-

⁷⁴ А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 139 сл., 147 сл.

⁷⁵ Ср. Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. ВВ, V, 1952, стр. 61.

⁷⁶ См., например, Н. Grégoire. Note sur le Digénis slave. Byz., X, 1935, p. 335 sq.; i d e m. Notes on the byzantine epic, Byz., XV, 1940, p. 96 sq.

⁷⁷ M a s ū d ī, in: «Bibliotheca Geographorum arabicorum», pars VIII, ed. De Goeje. Lugduni, 1884, p. 74; цит. по кн.: А. А. Васильев. Byzance et les arabes, t. I. Bruxelles, 1935, p. 232, n. 1.

⁷⁸ А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы... стр. 104.

ности использования и переработки каких-то неизвестных нам павликианских констков в неизвестном объеме. Строить на этом допущении какие-либо конструктивные выводы представляется невозможным.

Прославление христианской веры — слишком общее место в памятниках византийской литературы, чтобы останавливаться здесь на каких-нибудь параллелях. Важнее отметить, что, защищая православие и утверждая его превосходство над другими религиями, поэма совершенно лишена религиозного фанатизма⁷⁹. Представители ислама столь же привлекательны, как и христиане; принадлежность их к мусульманству не вызывает у автора никакой предвзятой ненависти (ср. ниже, стр. 144 сл.). Еще в меньшей мере знаком поэме чувство национальной вражды, что видно уже из одного имени главного героя. Совершенно нелепыми выглядят в этой связи профашистские построения Г. Шрайнера, пытавшегося в своем выступлении на IV византиноведческом конгрессе в Софии в 1934 г. говорить о Дигенисе как о «символе расовой чистоты»⁸⁰.

При всей своей ортодоксальности «Дигенис Акрит» отразил живучесть в византийском народе языческих верований, восходящих к дохристианской эпохе, сохранил следы античной мифологии. Важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет отнюдь не об увлечении образованными византийцев тех лет античной культурой (мы не останавливаемся здесь на реминисценциях из античной литературы — они свидетельствуют не столько о религиозном мировоззрении, сколько о литературных вкусах), а именно о народных поверьях, многие из которых сохранились до наших дней. Интересны упоминания об Аиде (εἰδης — ГФ II, 278; III, 74; VIII, 2, 126, 270) и Хароне (VIII, 2, 125, 269): вместе со смертью (θάνατος — VIII, 268) они безжалостно губят красоту и славу, не щадят ни молодых, ни старых и обращают все в грязь и пепел (VIII, 271 сл.). «Меня, непобедимого, Харон одолевает», — говорит жене умирающий Дигенис (ГФ VIII, 125) — здесь вспоминаются многочисленные народные песни о борьбе Дигениса с Хароном, закончившейся смертью героя⁸¹. Перед нами отзвук народных поверий о Хароне, переживших античность и сохранившихся в современном фольклоре. Народная фантазия представляет Харона в виде всадника на вороном коне, приближающегося к юным героям и уносящего их души⁸². Другой отголосок народных суеверий — упоминание о трехглавом драконе, напавшем у источника на Евдокию и убитом Дигенисом (ГФ VI, 47 сл.) Чудовище это, известное еще гомеровскому эпосу (например, «Илиада», II, 308), также сохранилось в греческих верованиях. Согласно народным преданиям, драконы похищают девушек; они живут у источников и охраняют их (κόρτσι τῶν πηγῶν)⁸³. Единоборство героя с драконом — распространенный мотив в народных песнях и в агиографии (святой Георгий). Другое поверье, отразившееся в поэме, — представления о духах, обитающих в различных местностях. Потрясенные невиданной

⁷⁹ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXIX.

⁸⁰ См. H. Grégoire. 'Ο Διγενής Ἀκρίτας. New York, 1942, p. 76, n. 2.

⁸¹ См. N. Πολίτης. Ἀκριτικά ἄσματα. 'Ο θάνατος τοῦ Διγενῆ. Λ, 1, 1909, σελ. 109—275.

⁸² Ср. N. Πολίτης. Μελέτη ἐπὶ τοῦ βίου τῶν νεωτερον ἑλλήνων, т. I, Νεοελληνική μυθολογία. Μέρος Β'. Ἀθήναι, 1874, σελ. 237 ἐξ.; D. Hesselting. Charos. Leiden — Leipzig, 1879, S. 23 f.; O. Waser. Charon, Charun, Charos. Berlin, 1898. S. 92 f.

⁸³ N. Πολίτης Μελέτη..., т. I, μέρος Α', σελ. 154 ἐξ.; ср. C. Sathas, E. Legrand. Les exploits..., p. 281—282; P. Ioannou. Les croyances démologiques au XI-e siècle à Byzance. «Actes du VI-e Congrès International d'études byzantines», t. I. Paris, 1950, p. 253.

отвагой Дигениса, Киннам и Иоаннакис думают, что перед ними чародей (γόης) или дух этой местности (στοιχέιον τοῦ τόπου — *ГФ* VI, 320, 326)⁸⁴. Пережиток язычества содержится, по-видимому, и в жалобах братьев, отчаявшихся найти похищенную эмиром сестру: они со слезами обращаются к солнцу (χὴρ ἤλιε — *Э* 91, 94; ср. *Т* 9 сл., *А* 444 сл.), к земле (*Э* 97 сл.) и лишь потом (*Э* 103 сл.) зывают о помощи к Христу, к богу и богородице. В соответствующем месте *ГФ* солнце тоже персонафицировано — братья упрекают его за то, что оно позавидовало красоте их сестры и бесчестно убило красавицу, затмившую его своим блеском (*ГФ* I, 253—254). В *Э* солнце призывается в свидетели и дальше (*Э*, 383 сл.). Подобные обращения к солнцу были также весьма характерны для античных верований⁸⁵.

Поэма отразила и обычаи, связанные с народными поверьями. Так, например, когда Дигенис омывается после своей первой охоты, спутники юноши жадно пьют воду, текущую из источника, чтобы и самим стать отважными (*ГФ*, IV, 217—218). Это поверье, как отмечает Дж. Маврогородато, известно и у других народов⁸⁶. Приведенные примеры свидетельствуют о распространенности в Византии различных пережитков языческих верований. Верования эти, как известно, отлично уживались с христианством⁸⁷; об этом говорит и «Дигенис Акрит».

Большую роль играют в поэме арабы — главные соперники Византии в IX—X вв. Вместе с тем Дигенис почти не сталкивается с арабами. О борьбе византийцев с арабами лишь вкратце говорится в воспоминаниях действующих лиц, в предыстории поэмы. Почти все противники Дигениса — христиане. Отношение к мусульманам достаточно объективно, а подчас и дружелюбно, свидетельства тому — образы эмира, его матери, дочери Аплорравда. Автор восхваляет отвагу и достоинства эмира (*ГФ* I, 30 сл.), а устами его матери даже прославляет подвиги отца эмира, который одерживал победы над византийцами и предпочел умереть, чем оставить свою веру (II, 60 сл.). Точно так же восхваляются подвиги его дяди (II, 75 сл.); передана, наконец, речь в защиту ислама, которую произносит перед эмиром его мать (III, 132 сл.). Разумеется, многое здесь могло перейти в поэму из арабских источников⁸⁸, но и в таком случае характерно, что автор и редакторы поэмы сохранили настроение этих источников. Мы видим (в особенности это относится к *ГФ*) известное знакомство с исламом, с его реликвиями, с обычаями мусульман.

Так, в обращении к эмиру (*ГФ* I, 100 сл.) братья говорят о «висящем камне» (κρεμάμενον λίθον). Не совсем ясно, какая святыня имеется здесь в виду — быть может, речь идет об огромном камне, находящемся под куполом мечети Омара в Иерусалиме и служившем некогда алтарем стоявшего на этом месте храма Соломона⁸⁹. Дальше следует упо-

⁸⁴ Ср. Ν. Πολίτης. Μελέτη..., т. I. Μέρος Α', σελ. 154.

⁸⁵ Ср. Н. Grégoire, M. Letocart. ENTYXIA ΠΡΟΣ ΗΛΙΟΝ. L'invocation au soleil vengeant dans l'épopée byzantine. «Revue des études anciennes», t. 42, 1940, p. 161—164. Культ этот отразился и в клятвах византийцев. Ср. Ф. Κοουκούλις. Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς, т. I'. Ἀθήναι 1949, σελ. 372.

⁸⁶ J. Mavrogordato. Op. cit., p. 78.

⁸⁷ Ф. К. Κοουκούλις. Op. cit., т. Α', II, σελ. 123 sq.; Ср. Ф. Успенский. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874, стр. 43 сл., 62 сл. О влиянии античной мифологии на византийское искусство см. К. Weitzmann. Greek Mythology in Byzantine Art. Princeton, 1951, p. 3, 198 sq.

⁸⁸ Мы не считаем себя компетентными для специального рассмотрения подобных параллелей. Ряд интересных наблюдений в этой области был сделан Р. Гоосенсом, М. Канаром, А. Грегуаром. Ср. А. Я. Сыркин. К истории изучения..., стр. 210, 214.

⁸⁹ P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 7; J. Mavrogordato. Op. cit., p.

минание о гробнице пророка Мухаммеда в Медине (I, 103 — *μνήμα τοῦ Προφήτου*). Обращаясь к эмиру, мать его также говорит об этой гробнице и о совершающихся около нее чудесах (*ΓΦ* III, 139 сл.): когда она с сыном ходила туда на молитву, среди ночи их взорам предстали медведи, львы, волки, овцы, мирно пасущиеся рядом и не причинявшие друг другу вреда. Перед нами отзвуки легенд о чудесах, совершавшихся будто бы у этой мусульманской святыни. Дальше мать говорит эмиру о хранящемся у них платке Неемана (*τὸ Νέεμα...τὸ μανδίλι* — 150 сл.). Нами отмечалось уже⁹⁰, что здесь, быть может, идет речь о платке, по преданию, посланном Христом эдесскому царю Абгару (так называемый *ἅγιον ἐκμαγεῖον*), но не исключено также, что имеется в виду какая-то неизвестная нам мусульманская реликвия, связанная с легендой об исцелении сирийского военачальника Неемана пророком Елисеем (IV Книга царств, 5). Поэма неоднократно упоминает о «великом пророке», т. е. Мухаммеде. До своего обращения в христианство эмир клянется: *μὲν τὸν μέγαν Προφήτην* (I, 307). Упрекая его за то, что он преступил заповеди пророка (II, 58), мать напоминает ему, как отец его соблюдал *προστίγματα...τοῦ Προφήτου* (II, 70); она грозит ему материнским проклятьем и говорит, что нет мечети (*μασγιδίον* — *ΓΦ* II, 83), где бы его не проклинали за отступничество. Поэт влагает в ее уста бранное выражение по адресу христианин. «Ты лишился всего ради любви к поедательнице свинины» (*χαλζυρίσσης* — *ΓΦ* II, 82, от араб. *hanzir* — «свинья»; ср. *Э* 269 — *χαλζυροφαγοῦσα*), — говорит она, намекая на запрет мусульманам употреблять в пищу свинину⁹¹. Поэма сообщает характерную деталь биографии эмира: живя в Сирии, он как мусульманин имел много жен. Мать пишет ему, что эмиры могут убить его детей — детей вероотступника, а его прекрасных жен (*τὰ τέκνιά σου κοράσια* — II, 87) отдадут другим. Прочтя это, эмир горюет о детях, и при мысли о том, что жен его ждут чужие объятия, в нем загорается ревность (II, 108). Деталь эта говорит о том, что, несмотря на крещение и брак с возлюбленной-христианкой, в эмире жив еще мусульманин. «Ведь никогда новая страсть не заставит забыть старой...» (II, 109 сл.), — поясняет при этом автор поэмы, как бы оправдывая своего героя. Эти жены и дети встречают его в Рахабе, обнимают, целуют, не в силах оторваться от него (III, 127 сл.). По-видимому, вместе с другими его родственниками они принимают христианство и переселяются в Романию; о дальнейшей их судьбе поэма ничего не говорит.

Возможно, еще один мусульманский обычай отразился в сцене сражения эмира с Константином. Признавая свое поражение, эмир «по обычаю» показывает противнику палец (*Α* 391 — *τὸν δάκτυλον ἔδειξεν κατὰ τὴν τάξιν ἐπὶ ἡγαν*; *ΓΦ* I, 194 дает несколько иной вариант: *τοὺς δακτύλους ἐσταύρωσεν ὡς ἦν αὐτοῖς τὸ ἔθος*; ср. *Э* 53). П. Бернхард сопоставляет это с традиционным жестом мусульман (*tauhid*) — поднятием указательного пальца правой руки, что является своего рода символом веры, признанием единства бога⁹².

⁹⁰ А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы..., стр. 00.

⁹¹ Слово это было в свое время неправильно истолковано Д. Хесселингом (D. Hesselring. Le roman de Digénis Akritas d'après le manuscrit de Madrid. A, III, 1912, p. 552 — «mauvaise menagère»). Ср. Σ. Εανθουβίδης. Διγενής Ἀκρίτας κατὰ τὸ χειρόγραφον Ἐσκουριά. «Χριστιανική Κρήτη», I, 1913, σελ. 549; M. D. Petrushevskii. Quid significet ΧΑΤΖΙΡΟΦΑΓΟΥΣΑ. «Ziva Antika», № 1, god II, 1952, str. 97.

⁹² P. L. Bernhard. Eine heute noch in der islamischen Welt gebräuchliche Form des Tauhid in dem Epos von Digenis Akritas. «Actes du X-e Congrès International d'études byzantines». Istanbul, 1957, p. 260. Не исключено, впрочем, что здесь

Как уже говорилось, несмотря на известный прозелитизм, чувство религиозной и расовой нетерпимости чуждо поэме о Дигенисе. Исследователи отмечали, что в греческом фольклоре сарацины-арабы вообще обрисованы гораздо мягче и дружелюбнее, нежели турки. Следует учесть, что для византийцев IX—X вв. арабы были не столько хозяевами и угнетателями, сколько равноправными соперниками⁹³. Арабская культура, как и византийская, много почерпнула из эллинистических источников, из Библии; она вызывала у византийцев живой интерес. Многим средневековым авторам «от Иоанна Дамаскина до Данте»⁹⁴ ислам представляется лишь христианской ересью, близкой к арианству⁹⁵. Известное ожесточение против арабов, связанное с их успехами, уступило к середине X в. место более терпимому отношению, когда империя вступила в полосу военных удач. Годы тяжелых поражений Византии отошли в прошлое; в памяти свежи были походы византийских полководцев, неоднократные обращения в христианство отдельных арабских вождей и даже целых племен и их служба в византийских войсках⁹⁶. Дух реванша, характерный для IX — начала X в. и отразившийся, быть может, в «Сыне Армури-са»⁹⁷, в целом сменился более спокойным, иногда даже дружелюбным отношением к арабам. Характерно, что Византии был чужд дух «священной войны», дух крестовых походов⁹⁸, и такое отсутствие «крестоносного духа» в полной мере отразилось и в нашей поэме⁹⁹. Это, разумеется, не исключало религиозной полемики, которая велась между двумя воюющими сторонами¹⁰⁰. Дань такой полемике представляет собой значительная часть III книги *ГФ*, *Т*, *А*. Интересно, однако, что, по наблюдению специально занимавшегося этим вопросом К. Гютербока, в X—XI вв., по-видимому, под влиянием военных успехов византийцев, полемика с исламом затихает. У известного полемиста второй половины IX в. Никиты Византийского, по словам исследователя, фактически не было последователей¹⁰¹.

Религиозные разногласия отнюдь не мешали дружеским отношениям византийцев с арабами. Характерно в этом отношении письмо Николая Мистика сыну критского эмира, содержащее, между прочим, интересные строки о Фотии. Последний, по свидетельству Николая, хоть и призна-

имеется в виду греческий обычай (ср. Ф. Κουκουλές. *Op. cit.*, т. Г', с. 101—102, п. 12).

⁹³ D. C. Hesselting. *Essais...*, p. 220, sq.

⁹⁴ J. Mavrogordato. *Op. cit.*, p. LXXVI—LXXVII; ср. К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии, ч. I. М., 1917, стр. 229 сл.

⁹⁵ Дж. Маврогордато (*ibidem*), по-видимому, прав, предполагая, что обстоятельство это также помогает объяснить полное смешение павликианских предков Дигениса с мусульманами.

⁹⁶ Ср. H. Grégoire, R. Goossens. *Les recherches recents sur l'épopée byzantine*. «Antiquité classique», I, 1932, p. 423; J. Mavrogordato. *Op. cit.*, p. LXXIII.

⁹⁷ Ср. H. Grégoire. *Études sur l'épopée byzantine*. REG, XLVI, 1933, p. 33 sq.

⁹⁸ Ср. M. Canard. *La guerre sainte dans le monde islamique et dans le monde chrétien*. «Revue africaine», 79, 1936, p. 605 sq.; V. Laurent. *L'idée de guerre sainte et la tradition byzantine*. «Revue historique du Sud-Est européen», XXIII, 1946, p. 71 sq.; P. Lemerle, *Byzance et la Croisade*. «Relazioni del X Congresso internazionale di scienze storiche», vol. III. Storia del Medioevo. Firenze, 1955, p. 617 sq.

⁹⁹ Ср. H. Grégoire. *L'épopée byzantine et ses rapports avec l'épopée turque et l'épopée romane*. BCLSM, ser. 5, t. 17, 1931, p. 466; V. Laurent. *Op. cit.*, p. 87.

¹⁰⁰ См. об этом: C. Güterbock. *Der Islam in Lichte der byzantinischen Polemik*. Berlin, 1912; G. Vismara. *Bizanzio e l'Islam*. Milano, 1950, p. 79, sq.; H.-G. Beck. *Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich*. München, 1959. S. 337 f.

¹⁰¹ C. Güterbock. *Op. cit.*, S. 33; ср. H.-G. Beck. *Op. cit.*, S. 530 f.

вал, что различие в религиях препятствует общению, однако умел ценить во всех людях доброту и другие возвышенные качества и, несмотря на различие в вероисповедании, любил критского эмира, обладавшего этими достоинствами¹⁰². Терпимое отношение к арабам прослеживается и во «Взятии Фессалоники» Иоанна Камениаты, написанном вскоре после 904 г. Несмотря на то, что автор сам явился жертвой арабского нападения, он (быть может, впрочем, следуя литературной традиции) отдает должное мужеству врагов, их находчивости и человеколюбию. Интересно, что, будучи клириком, он, тем не менее, не уделяет внимания религиозному соперничеству между христианами и мусульманами¹⁰³. И греческие, и арабские источники сходятся на том, что византийцы встречали обычно хорошее обращение в плену у мусульман и в свою очередь сами хорошо обращались с пленными мусульманами и уважали их веру¹⁰⁴. Так, например, арабский поэт Абу Фирас (932—968) попал в плен к грекам, провел в Константинополе четыре года (962—966) и был затем отпущен на родину¹⁰⁵. Византийское правительство поощряло обращение пленных мусульман в христианство и поселение их на землях Византии. Один из указов Константина VII Багрянородного на три года освобождал от налогов тот дом, в который вступал обращенный в христианство араб, женившийся на дочери хозяйина.¹⁰⁶

Но в Византии жили не только обращенные арабы. В Константинополе и Афинах существовали в X—XI вв. мусульманские колонии¹⁰⁷; между византийцами и арабами велась оживленная торговля¹⁰⁸. Смешанные браки не были в то время редкостью в восточных областях Византии¹⁰⁹, что нашло отражение и в нашей поэме — брак эмира с Ириной, брак сына стратига Антиоха с дочерью эмира Аплорравда. «Двоерожденным» предстает, по всей видимости, и сам эмир: мать его — дочь араба Амброна, а отца его сопоставляют с павликианином Хрисохиром — греком или армянином¹¹⁰.

Любопытно, что поэма различает светловолосых и черных арабов — последних она называет эфиопами (*Αἰθίοπες* — *ГФ* I, 32; IV, 970; V, 223; VII, 206; *Т* 1795; *А* 2741; *Э* 545). Именем этим византийцы

¹⁰² PG, t. 111, col. 36D — 37A. Cp. Ch. Diehl. *Le Monde oriental de 395 à 1081*. Paris, 1936, p. 332—333.

¹⁰³ Ioannes Cameniata. De excidio Thessalonicensi cin Theoph. Cont.), p. 523. 10—524. 11; 527. 3 sq.; 553. 9 sq.; 563. 3 sq.; С. В. Полякова. О некоторых художественных особенностях «Взятия Фессалоники» Иоанна Камениаты (в кн.: «Две византийские хроники X века». М., 1959), стр. 246.

¹⁰⁴ Интересно в этом отношении и письмо Николая Мистика арабскому халифу (PG, t. 111, col. 312D). Cp. M. Sarrd. Quelques «à côté» de l'histoire des relations entre Byzance et les arabes. «Studi orientalistici in on. di G. Levi Della Vida», I. Roma, 1956, p. 111 sq.

¹⁰⁵ А. Крымский, М. Агтая. Художественные представители пограничной Сиро-Месопотамии времен византийского героя X века Дигениса Акрита. Поэма-эпос Абу-Фирас (932—968) и панегирист Мотанаббий (915—965). «Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского». М., 1914, стр. 30. Авторы предполагают, не приводя, впрочем, убедительных аргументов, что судьба Абу Фираса могла послужить материалом для образа эмира в византийском эпосе (там же, стр. 28 сл.). Следует, однако, указать на существенную разницу в судьбах этих лиц: отец Дигениса отнюдь не был взят в плен, а Абу Фирас не перешел в христианство и остался верен исламу.

¹⁰⁶ De cerim., I, p. 694. 22—695. 7; cp. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXIII.

¹⁰⁷ Cp. А. П. Каждан. Деревня..., стр. 272 сл.

¹⁰⁸ Cp. Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. ВВ, VI, 1953, стр. 114 сл.

¹⁰⁹ Cp. S. Runciman. Byzantine civilisation. New York, 1956, p. 234; D. Hesselting. Essais..., p. 220.

¹¹⁰ А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 141.

обозначили мусульман Египта и Северной Африки¹¹¹. Употребление этого слова, характерного лишь для *ГФ*, показывает, что «эфиопам» поэма в отличие от «арабов» (*Ἄραβοι, Ἀραβίται*) придает одиозный характер¹¹². Так, рисуя портрет эмира, автор говорит, что тот был «не черный, как эфиоп, но русский» (*ξανθός* — I, 32). Эфиопы названы *δεινοί* (IV, 970), *αἰσχροί* (*ГФ* V, 223; ср. *Т* 1795. А 2741 опускает этот эпитет). В *ГФ* VII, 206 говорится о жестоких набегах племени эфиопов, названных двумя стихами ниже «потомками рабов» (*οἱ τῶν δούλων ἔκγονοι*). Ни разу *Αἰθίοβες* не употреблено здесь в положительном значении. В то же время арабы названы в поэме *ἐκλεκτοί* (*ГФ* I, 46; II, 99; *Т* 227; А 677), *εὐγενεῖς* (*Э* 276, 333, 431), *καλοὶ ἄγουροι* (*Т* 752; А 1278; *Э* 603), *ἀνδρεῖοι* (А 2681; в *Т* здесь лакуна). И в остальных местах они упоминаются без каких-либо уничижительных эпитетов; лишь в *Э* 170 названы *ἄνομοι*. То же относится и к другому имени, которым в средние века называли арабов — *σαρακηνοί*. Помимо нейтральных упоминаний этого слова, *ГФ* I, 155 называет одного из сарацинов почетным именем акрита — это один из воинов эмира, воздающий должное отваге младшего из братьев — Константина. Выступает здесь и сарацин-земледелец (*σαρακηνῶ ἀγροίκῳ* — *ГФ* I, 216; ср. А 417); это — повстречавшийся братьям сарацин, который относится к ним с сочувствием и показывает им тела убитых греческих пленниц. *Э* 333, 431 употребляет *σαρακηνοί* рядом с *εὐγενεῖς Ἀραβίτας*. Враждебный оттенок можно предположить лишь в *ГФ* II, 166 сл., где младший из братьев — Константин — бранит эмира, подозревая его в измене, и грозит ему изгнанием; впрочем, и здесь слово «сарацин» не сопровождается какими-либо бранными эпитетами. Таким образом, почти вся вражда к исламу находит выход в нападках на далеких «эфиопов», а непосредственные соседи греков — *Ἄραβοι* или *σαρακηνοί* — обрисованы гораздо доброжелательнее¹¹³. Без вражды упоминает поэма и о других народах, вероятно, имея в виду тех же арабов или служащих в их войске наемников — персов, турок. С отсутствием религиозной и расовой нетерпимости должно быть связано и то, что арабы иногда носят здесь греческие имена: мать эмира в *ГФ* и А, — Панфия (в *Т* и А — Спафия); жена Аплорравда — Меланфия; наконец, сам Аплорравд зовется в *О* Евдоксимем.

IV

Главное, что прославляет автор в Дигенисе, в его родичах, даже в его соперниках, — это сила и отвага¹¹⁴. Об этих чертах героя говорится уже в первых строках поэмы (*ГФ* I, 3 сл.). Мальчик получает в дар от бога невиданную доблесть; с детства герой овладевает искусством верховой езды (*ГФ* IV, 70). На своей первой охоте двенадцатилетний Дигенис душит медведицу (IV, 127), разрывает пополам газель (IV, 145) и т. д. Герой побивает в состязании на дубинках всех апелатов (*Т* 1080 сл.). Его не страшат отец и братья Евдокии, не пугают войска стратига Дуки — для него они словно дети (IV, 469). Герой истребляет всех воинов

¹¹¹ Это — употребительный в Византии прием обозначения современников с помощью старого этнического наименования. Ср. S. Kyriakides. *Forschungsbericht...*, S. 7.

¹¹² Ср. H. Grégoire. *L'épopée byzantine...*, p. 467 sq.; H. Grégoire, R. Goossens. *Les recherches...*, p. 428; J. Mavrogordato. *Op. cit.*, pp. LXXIV.

¹¹³ Дж. Маврогордато (*op. cit.*, p. LXXIV) предполагает, что такое противопоставление сирийских мусульман египетским было связано с политическими мотивами.

¹¹⁴ Ср. Ἀ. Μηλιάρης. *Op. cit.*, σελ. α'; P. Pavolini. *Op. cit.*, p. 323.

стратига Дуки (в А 2024 сл. он, сверх этого, одерживает победу над сарацином Судалисом, служащим стратигу) и ловко сбрасывает с коней сыновей стратига, щадя их жизнь по просьбе Евдокии.

Победы неизменно сопутствуют Дигенису: он побеждает апелатов, задумавших похитить его жену (ГФ IV, 965 сл.), завоевывает земли «эфиопов» (IV, 968 сл.), выказывает ловкость и отвагу перед императором — укрощает дикого коня и голыми руками убивает льва (IV, 1054 сл.). Дигенис убивает разбойника Мусура, наводившего страх на путников (ГФ V, 215; ср. Т 1623 сл., А 2510 сл.); он обращает в бегство свыше сотни вооруженных арабов (ГФ V, 178 сл.), побеждает Филопаппа, Киннама, Иоаннакиса, Максимо, Мелимидзиса. Незадолго до смерти Дигенис снова, как в дни детства, изумляет всех охотничьим искусством (ГФ VIII, 23 сл.). Некоторые из подвигов героя носят сказочный характер — убийство дракона, напавшего на Евдокию (VI, 47 сл.)¹¹⁵. Лишь в одном случае герой терпит поражение, но и то через год с лихвой отплачивает своему врагу [эпизод с Анкилой, отсутствующий в ГФ (Т 2071 сл., А 3068 сл.)]. Впрочем, победа не всегда легко дается Дигенису; так, он долго не мог справиться с Киннамом и Иоаннакисом — лишь слова жены дали ему силы одолеть врагов (ГФ IV, 234 сл.). Дигенис — «венец отваги» (τῆς ἀνδρείας στέφανον — VII, 214), принеший спасение от врагов, освободивший пленных и установивший прочный мир. Доблесть и могущество — вот что прежде всего оплакивают в Дигенисе собравшиеся на его похороны (VIII, 224 сл., 249 сл., 289 сл.).

Те же качества прославляются и в других действующих лицах. Отваги и силы полон эмир — он совершает успешные походы, спасает своих воинов в опасности, охотится на хищников, убивает дубинкой льва (ГФ I, 39 сл., 162 сл., 292 сл.; III, 65 сл., 92 сл.; IV, 22 сл.; VII, 129 сл.). Замечательными подвигами прославились и его отец Хрисоверг, презревший смерть, и его дядя Карес (II, 60 сл.). Поэма воспевает также отвагу братьев Евдокии, дядьев Дигениса, прежде всего младшего из них — Константина, побеждающего эмира в единоборстве (I, 146 сл.; II, 164; IV, 60 сл.). Велико могущество и стратига Дуки, отца Евдокии (IV, 299, 330). Как уже говорилось, в поэме восхваляется и отвага противников Дигениса — предводителей апелатов: Филопаппа, Киннама, Иоаннакиса, а также Максимо (VI, 388 сл., 565 сл., 751 сл.), Мелимидзиса (VI, 492 сл.), Леандра (VI, 549)¹¹⁶. Прославляются, наконец, отважные подвиги древних героев, изображения которых украшают дворец Дигениса, — подвиги Самсона (VII, 63 сл.), Давида (VII, 71 сл.), Ахилла (VII, 85), Одиссея (VII, 88), Беллерофонта (VII, 89), Александра Македонского (VII, 90 сл.).

Этот культ силы и отваги, пронизывающий всю поэму и столь характерный для памятников фольклора (не только византийского), вряд ли следует относить за счет творчества автора поэмы или ее редакторов. Скорее всего, идеалы эти перешли в «Дигениса Акрита» из народных песен, послуживших — на этом сходятся почти все исследователи памятника — основным источником поэмы. Именно эти черты больше всего сближают нашу поэму с песнями «О сыне Армуриса», «О сыне Андроника», с многочисленными песнями акритского цикла¹¹⁷.

¹¹⁵ Еще больше таких элементов фантастики в «Девгениевом деянии».

¹¹⁶ Погодинская редакция «Девгениева деяния» в отличие от греческой поэмы наделяет отвагой и жену Дигениса («стратиговна мужескую дерзость имеет» — изд. Сперанского, стр. 164).

¹¹⁷ Сопоставлению «Дигениса Акрита» с этими песнями уделила внимание В. Д. Кузьмина („Деяние прежних времен...“).

Характерно уважение, с которым Дигенис относится к своим врагам — к апелатам (*Т* 1044 сл.), к их вожакам, к Максимо. Герой жалеет победленных врагов: «Не в моем обычае бить упавшего» (*τὸν πεσόντα οὐδέποτε ἔθος ἔχω τοῦ κρούειν* — *ГФ* IV, 236), — говорит он поверженному Киннаму, предлагая ему встать, взять оружие и возобновить сражение. Дигенис говорит, что обычай его — жалеть бегущих, не злоупотреблять победой (*νικᾶν καὶ μὴ ὑπερνικᾶν*) и любить противников (*ГФ* VI, 641—642; ср. *Т* 2510—11, *А* 3678—79). Кстати, это напоминает его слова императору о справедливости и милосердии¹¹⁸.

Поэма уделяет большое внимание описанию внешности действующих лиц¹¹⁹. Физическая красота — неотъемлемая деталь в портретах героев, описание ее встречается почти во всех характеристиках — как женщин, так и мужчин. Таковы стихи, посвященные эмиру (*ГФ* I, 32 сл.; IV, 22; VII, 128), матери Дигениса (I, 61, 298, 305, 336; VII, 196), самому Дигенису (IV, 196 сл., 283), его супруге (IV, 263 сл. 295, 349 сл., 786; VI, 29 сл., 126 сл., 410 сл.; VIII, 230, 303), дочери Аплорравда (V, 36, 56 сл.), Максимо (VI, 782 сл.; *Т* 2645). И здесь можно предположить, что поэма следует канонам народного творчества, хотя в отдельных описаниях сильно сказывается влияние позднеантичного романа (ср., например, *ГФ* I, 35 сл. и роман Ахилла Татия «Левкиппа и Клитонфонт», I, 4; *ГФ* VI, 782 сл. — Ахилл Татий, I, 1 и т. д.). Вместе с тем воспевание физической красоты весьма характерно как свидетельство усиления светских мотивов в византийской литературе того периода.

Характерно для подобных мотивов и воспевание любви в «Дигенисе Акрите». Наряду со стремлением к боевым подвигам это — сильнейшая страсть, владеющая Дигенисом и отцом его — эмиром¹²⁰. Поэма изобилует рассуждениями о могуществе и неодолимости любви, которые также обнаруживают влияние позднеантичной литературы (ср. *ГФ* III, 1 сл.; IV, 4 сл., 276 сл., 342 сл., 525 сл. — Ахилл Татий, I, 7 и II, 5, а также роман Гелиодора «Эфиопика», I. 2, 9). Ни хищные звери, ни разбойники, ни вражеские войска не могли одолеть эмира — его сразила женская красота. Ради этой красоты он оставляет родину, близких, веру и становится христианином (*ГФ* I, 296 сл., 335 сл.; II, 188 сл., 226; III, 9 сл.; IV, 44 сл.). Когда эмир возвращается из Сирии к жене, то встретившиеся супруги едва не теряют сознания от счастья, и автор замечает по этому поводу: «Ведь часто так случается из-за любви чрезмерной» (III, 284).

Та же неодолима страсть овладевает Дигенисом и Евдокией, увидевшими друг друга. Мучимый любовью Дигенис не в состоянии притронуться к еде во время обеда (IV, 380 сл.) и дает выход своим чувствам, играя на кифаре (IV, 397 сл.). Восклицание любимой придает ему силы в битве с врагами (VI, 243 сл.). Глубокой любви полны предсмертные слова героя, обращенные к жене (VIII, 64 сл.): он вспоминает все подвиги, совершить которые дала ему силу любовь (VIII, 88, 102, 116, 121 сл.). Умиравший советует жене не оставаться вдовой и взять другого мужа, чтобы ей было легче жить (VIII, 137, сл.; ср. *А* 4544 сл.). Евдокия и слышать не хочет об этом; видя любимого в агонии, она падает бездыханной на его ложе, а умирающий Дигенис благодарит бога за то, что жена его не узнает одиночества (VIII, 192 сл.). В Э 1783 сл. умирающий Дигенис не столь альтруистичен — он выражает желание, чтобы жена его никому

¹¹⁸ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LV.

¹¹⁹ Α. Μηλιαράκης. Op. cit., σελ. ια'.

¹²⁰ Ср. Ш. Диль. Указ. соч., стр. 357; Ф. Коухουλέс. Op. cit., т. А', II, σελ. 21.

больше не принадлежала. В акритских песнях тема эта выражена с предельной силой — герой душил любимую в своих объятиях и умирает вместе с ней ¹²¹.

Любовная страсть заставляет дочь Аплорравда бежать с возлюбленным из родного города, оставить умирающую мать, изменить своей вере (V, 90 сл., 205 сл., 226 сл.) и, несмотря на вероломство юноши, стремиться к нему. В порыве страсти Дигенис забывает о своей супруге. Из всех сил он борется с искушениями, «но неспособен никогда огонь с травой ужитья» (V, 236), и Дигенис дважды нарушает верность Евдокии — сначала с дочерью Аплорравда ¹²² (V, 231 сл.), затем с побежденной им девой-воительницей Максимо (ГФ VI, 781 сл.; Т 2636 сл.).

Описания любовных сцен, речи любящих дышат подлинным чувством. Они принадлежат к лучшим в художественном отношении частям поэмы. Несмотря на известный налет риторики, здесь сплошь и рядом звучит язык подлинно народной поэзии ¹²³. Приведем, например, слова змира, возвратившегося к жене из Сирии: «Голубка моя милая, прими своего сокола и утешь его после скитаний на чужбине» (περιστέρᾳ μου πίντερπνε, δέξαι τὸ σὸν γράκι καὶ παραμόθησον αὐτὸ ἀπὸ τῆς ξενιτείας — ГФ III, 265—266), или слова Дигениса Евдокии: «Поднимись, прекрасная роза, душистое яблочко! Взошла утренняя звезда, и нам пора в путь» (ἀνίστα, ῥόδον πίντερπνον, μῆλον μελιρσιμένον· ὁ ἀγερνός ἀνέτειλεν, δεῦρο ἄς περιπλώμεν — IV, 434—435).

Уже говорилось о благородстве Дигениса в обращении с противниками. Эта учтивость и рыцарство особенно проявляются во время встречи с Максимо ¹²⁴. Дигенис предупреждает девушку, желающую переправиться к нему на другой берег: «Максимо, не двигайся! Мужчины должны сами приближаться к женщинам, и я сам подойду к тебе — так будет справедливо» (VI, 569—571). Во время первого столкновения с Максимо герой щадит девушку и поражает лишь ее коня (VI, 587 сл.). Бойтись он нанесит ей рану и при второй встрече. «Позорно для мужчин, — говорит Дигенис, — не только убить женщину, но даже вступить с ней в борьбу» (VI, 749—750). «Я жалею тебя, как женщину, полную красоты» (VI, 757), — говорит он Максимо, выбив у нее из рук оружие. И даже оправдываясь перед женой, подозревающей о его измене, Дигенис объясняет свою задержку тем, что он должен был помочь раненой Максимо, «чтобы не встретить осуждения за убийство женщины» (VI, 831). Рыцарское отношение к женщине в «Дигенисе Акрите» представляет собой интересную параллель к куртуазностью западноевропейского рыцарства; тем не менее нет никаких оснований видеть здесь (вслед за Н. Йоргой) влияние крестоносцев ¹²⁵. «Рыцарство» Дигениса проявляется в ряде эпизодов, наверняка входивших в первоначальную редакцию памятника, созданную задолго до крестовых походов. Гораздо проще видеть здесь черту, характерную для жизни на восточных границах Византии ¹²⁶.

Лишь под действием любви становятся героини поэмы смелыми и решительными; главное же, что отличает их, — это скромность и

¹²¹ Ср. Г. Дестунис. Разыскания..., № 11, стр. 53—54.

¹²² Отметим в этой связи интересную психологическую деталь повествования: при встрече с дочерью Аплорравда пораженному ее красотой герою кажется, что перед ним двойник его супруги (ὄστε δευτέραν τῆς ἐμῆς ταύτην εἶνα νομίσαι — ГФ V, 57).

¹²³ Ср. Ш. Диль. Указ. соч., стр. 353 сл.

¹²⁴ Там же, стр. 353.

¹²⁵ N. Iorga. Histoire de la vie byzantine, t. II. Bucarest, 1934, p. 270 sq.

¹²⁶ А. Грегуар (Н. Грегори. Le sultanat d'Iconium dans l'épopée byzantine, Вуз., IX, 1934, p. 365), не приводя убедительных доказательств, усматривает здесь влияние арабов.

застенчивость. Большого труда стоит Евдокии побороть свой стыд при встрече с Дигенисом. Отец ее, стратиг, никому не разрешал взглянуть на нее. «Я ни разу не высунулась из окошка, оберегала себя от взгляда чужих глаз, и, кроме моих родичей, моих близких знакомых, никто ни разу не видел даже черт моего лица», — говорит девушка Дигенису (IV, 495—498). Она всегда держала себя строго, и теперь даже разговор с юношей представляется ей бесстыдством (IV, 503 сл.). Черта эта весьма характерна для быта знатных византийских семей, где девушек держали под неослабным надзором, лишь изредка разрешая им покидать женские покои¹²⁷.

Интересно, что наряду с положительными чертами автор наделяет своего героя и рядом отрицательных. Дигенис — отнюдь не воплощенная добродетель. Дважды изменяет он жене¹²⁸, причем то обстоятельство, что каждому падению предшествуют борьба героя с самим собой и неудачные попытки подавить страсть (ГФ V, 234 сл.; Т 2638 сл.), лишь свидетельствует о его слабости. Если можно еще найти оправдание эпизоду с Максимо, предстающей в роли искусительницы, то насилие над беззащитной дочерью Аплорравда, любящей другого и изо всех сил сопротивляющейся Дигенису, рисует героя в довольно неприглядном виде — от его рыцарства и учтивости не остается и следа. Создается впечатление, что герой заботится здесь лишь о том, чтобы совершить не очень тяжелый, с точки зрения религии, грех. Только так можно объяснить стихи, где автор говорит о взрыве страсти, охватившей Дигениса, когда тот узнает, что его спутница уже оставила ислам и перешла в христианство (ГФ V, 226 сл.). Дело в том, что прелюбодеяние с христианкой хотя и считалось грехом, но все же не столь непростительным, как незаконная связь с женщиной другой веры¹²⁹. Лицемерно звучат слова Дигениса, который, совершив насилие и отведя девушку к покинувшему ее возлюбленному, приказывает последнему не обижать ее (V, 280). Одновременно, «чтобы не оскорбить юношу», он умалчивает «о том, чего не должно говорить» (274—275)¹³⁰. Столь же бессилён герой и перед страстью к Максимо, причем после второй измены он снова полон лицемерия. Расставшись с Максимо и вернувшись к жене,

¹²⁷ См., например, С е с., § 102, 121, 131; ср. С. Ш е с т а к о в. Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра. ВВ, VIII, 1901, стр. 50—51.

¹²⁸ Эпизоды эти отсутствуют лишь в Э, дошедшей, впрочем, в сильно искаженном и далеко не полном виде.

¹²⁹ Р. К а л о п а г о с. Op. cit., II, p. 79—80.

¹³⁰ А. П. Каждан (Крестьянские движения... стр. 87) считает этот эпизод свидетельством феодальной идеологии поэмы, видя здесь «поступок, которого нельзя ожидать от героя народного эпоса, но который отнюдь не оскорбляет нравственности византийского феодала». Следует, однако, сказать, что насилие героя над девушкой — распространенный сюжет в фольклоре и новеллистической литературе разных времен и народов. Из греческого фольклора можно указать здесь на песнь о Харзанисе (ср. S. T r e n k n e r. Les aventures de Šarkan-Charzanis. Byz. XX, 1950, p. 264—266; e a d e m. The Greek Novella in the classical period. Cambridge, 1958, p. 117—120; H. G r é g o i r e. Echanges épiques arabo-grecques. Šarkan-Charzanis. Byz., VII, 1932, p. 371 sq. Ср. также: S. T h o m p s o n. Motiv-index of Folk-literature, vol. IV. Helsinki, 1934, p. 399 sq. (K 1300 sq.); vol. V. Helsinki, 1935, p. 300 (T 471). Видеть в этой сцене нечто специфически феодальное, как нам кажется, нет оснований. Жертва Дигениса отнюдь не принадлежит к низшим слоям, по своему социальному положению она не уступает герою: отец ее тоже эмир, а жених — сын стратига. Наконец, насилие это отнюдь не одобряется в поэме, а осуждается устами самого героя. В книга ГФ если и не переложение какой-то из песен о Дигенисе, то, скорее всего, дань распространенному сюжету; для благочестивого же редактора поэмы сцена эта — лишняя иллюстрация всемогущей, часто пагубной, силы страсти, на которой он неоднократно останавливается в своих нравоучительных отступлениях.

он осыпает ее поцелуями и говорит: «Гляди, душа моя, какой у тебя мститель, какого помощника даровал тебе творец» (*T* 2657—58, в рукописи *ГФ* здесь вырван лист). И когда жена подозревает Дигениса в измене, он «обманул ее», придумав, будто задержался лишь для того, чтобы перевязать рану Максимо (*T* 2671 сл., *ГФ* VI, 826 сл.). Евдокия верит оправданиям Дигениса, но тот задумывается над ее подозрениями, и сознание своего проступка облекается у него (любопытный психологизм) в гнев против Максимо — он отправляется вдогонку за ней и убивает девушку, которую, вряд ли имея на то моральное право, называет «распутницей» (*ГФ* VI, 834 сл.)¹³¹. Дигенис так и не открывает жене своих проступков, хотя и верит, что все равно они откроются «на страшном суде» (*V*, 254 сл.). Даже умирая, он далек от покаяния. В своей предсмертной речи он останавливается лишь на подвигах, совершенных им ради супруги, а в *ГФ* после воспоминания о победе над Максимо продолжает, явно не договаривая: «Затем, убежденный твоими словами, я снова поспешил назад и тайно, без твоего ведома, убил ее» (VIII, 119—120).

В связи со сказанным выше вряд ли есть основания видеть в Дигенисе воплощенный идеал семьянина¹³². Разумеется, семейные добродетели не чужды герою. Самая сильная страсть, испытанная им в жизни, — это любовь к Евдокии. Герой любит и чтит своих родителей — достаточно вспомнить сцену оплакивания эмира (*ГФ* VII, 115 сл.), скорбь его по матери (VII, 191). Дигенис с почтением относится к родителям своей невесты (IV, 673 сл., 742). Он страстно желает иметь детей, и бездетность — самое тяжелое горе в жизни супругов (VII, 179 сл.). Больше всего печалит умирающего героя, что он оставляет жену одинокой и беззащитной. И все же трудно, вспомнив поступки героя, говорить о его «совершенном благородстве», о том, что он «отдает всего себя семье»¹³³. Г. Шрайнер видит это противоречие и в угоду своей схеме, представляющей Дигениса «идеалом семьи, веры, народа и отечества», пытается поставить под сомнение оригинальность указанных выше эпизодов. Разумеется, до тех пор, пока нам неизвестна первоначальная редакция поэмы, мы не можем быть полностью уверенными в оригинальности этих сцен, хотя наличие их в довольно схожем виде в *ГФ*, *T* и *A* делает это очень вероятным. Тем не менее Шрайнер склонен видеть здесь «насильственное превращение нравственно чистого предания в непристойное», явившееся результатом воздействия венецианских народных книг в начале XVI в.¹³⁴ Произвольность последнего утверждения ясна, если принять во внимание, что уже в рукописи XIV в. (*ГФ*) имеются оба эти эпизода; вырванный здесь в VI книге лист лишний раз свидетельствует о характере сцены с Максимо в этой версии.

Итак, образ Дигениса предстает перед нами куда более живым и человеческим, чем та схема, в которую стремится втиснуть его Г. Шрайнер. При всех своих достоинствах Дигенис далеко не хрестоматийный герой — в его образе своеобразно сочетались эпическая гиперболизация и психологический реализм, который в значительной мере следует отнести за счет литературной обработки фольклора. Сочетание это дало нам один из интереснейших образцов византийского литературного творчества.

¹³¹ Впрочем, эта жестокость совершается Дигенисом только в *ГФ*. Возможно, здесь редакторская вставка.

¹³² H. Schreiner. Die Helden..., S. 205 f., 219 f.

¹³³ Ibid., S. 211.

¹³⁴ Ibid., S. 220, 224.

* * *

Выше мы остановились на некоторых чертах мировоззрения поэмы — на отношении ее к императорской власти, к представителям отдельных социальных слоев населения, на политических, религиозных, этических воззрениях ее автора. Исследование памятника в этом аспекте приводит нас к заключению, что для идеологии поэмы характерна определенная свойственность¹³⁵.

Отдельные черты образа Дигениса — прежде всего, отношение его к императору и советы, которые он дает ему, — находят себе параллель в некоторых других византийских источниках и позволяют говорить об отражении в поэме феодальной идеологии, точнее, идеологии провинциальной земельной знати, стремившейся к независимости от центральной власти. В этом отношении, по-видимому, не случайны судьба сосланного императором деда Дигениса и неоднократное подчеркивание (а не просто упоминание) знатности и богатства героев.

Однако, как нам кажется, все это не дает еще оснований безоговорочно считать эпос о Дигенисе феодальным. Мы говорили уже, что такие атрибуты героя, как знатность и богатство, такие, например, эпизоды как борьба с разбойниками, сами по себе отнюдь не чужды памятникам фольклора. Правда, вопрос осложняется тем, что в данном случае нас интересует не сам акритский фольклор и не те не дошедшие до нас сказания, которые, как это признают почти все исследователи, генетически предшествовали поэме. Речь идет о социальной природе самой поэмы, точнее, известных нам текстов, ибо первоначальная редакция «Дигениса Акрита» утрачена. Но и в тех текстах, в которых эпос о Дигенисе дошел до нас, т. е. в сравнительно более поздних ученых монашеских обработках легко проследить фольклорную основу; народная песенность сплошь и рядом пропускает сквозь ученую риторику¹³⁶. Пример Эскуриальской версии убедительно говорит о существовании устной традиции Дигениса; с другой стороны, мы знаем о распространенности песенного творчества в народных массах Византии¹³⁷. Все это дает основание полагать, что Дигенис мог быть и а р о д н ы м героем для средневековой Греции так же, как и для современной, что такими качествами, как отвага, безмерная сила, благородство, уважение к врагам, сострадание к бедным, могли уже наделять героя безвестные народные сказители, а не ученые диаскевасты, обрабатывавшие их песни. Образ воина, обладающего всеми этими качествами, вполне мог быть идеалом широких слоев стратиотов, несомненно, принимавших участие в создании акритского эпоса.

¹³⁵ Этой двойственности в идеологии «Дигениса Акрита» соответствует фольклорно-ученая двойственность, свойственная поэме как литературному памятнику; отдельные ее черты мы уже имели случай отметить (ср. выше, стр. 150; см. также: А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы..., стр. 00). Анализ поэмы с этой стороны выходит за рамки настоящей статьи.

¹³⁶ Отдельные черты стиля «Дигениса Акрита» разобраны в работе В. Д. Кузьминой «Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгениева деяния» (ТОДРЛ, XV, 1958, стр. 73 сл.).

¹³⁷ Ср. свидетельство епископа Кесарийского Арефы о «попрошайках или шарлатанах — проклятых пафлагонцах, которые сочиняют песни о подвигах знаменитых мужей и ради обоеа распевают их у каждой двери» (Σ. Κοιυέας. Αί ἐν τοῖς σχολεῖοις τοῦ Ἀρέφα λαογραφικαὶ εἰδησεῖς. Λ, IV, 1913, σελ. 239). Ср. A n n a C o m n e n a. Alexiadis libri XV, vol. I. Bonnae, 1839, p. 98. 6—19; vol. II, 1878, p. 158. 20—259 7; Michel Psellos. Chronographie, t. I. Paris, 1926, p. 109. 41—43 (V XXXVIII); Zonaras, vol. III. Bonnae, 1897, p. 612. 12—14; Nicephori Gregorae Historia Byzantina, vol. II. Bonnae, 1830, p. 377. 5—8; Griechischer Humor von Homers Zeiten bis heute... hrsg. von G. Soyter. Berlin, 1959, S. 106 и др.

Характерно и отношение поэмы к героям народных песен — апелатам. Выше упоминались отразившиеся в поэме различные поверья и пережитки язычества, широко распространенные среди народа Византии. И эти свидетельства, скорее всего, перешли в поэму из народных песен. Следы народной идеологии делают этот памятник тем более ценным, что подобные свидетельства приходится собирать из византийских источников буквально по крупицам.

Итак, по нашему мнению, оба определения дошедшего до нас эпоса о Дигенисе — как «народного» или как «феодалного» — страдают односторонностью и лишь частично отражают природу памятника. Это — народный в своей основе эпос, отразивший в известных нам литературных обработках черты феодальной идеологии¹³⁸. Отсутствие необходимых источников не позволяет нам определить, какие из этих черт привнесли ученые редакторы, какие отразились непосредственно в народном творчестве.

Еще на заре изучения «Дигениса» К. Крумбахер удачно сказал, что памятник этот заново открыл перед нами византийскую культуру, от которой повеяло не только сухой ученостью, но и «свежим лесным ветром»¹³⁹. Хотя, строго говоря, «Дигенис Акрит» в этом отношении не совсем одинок, его неповторимое своеобразие делает замечание выдающегося византиниста во многом справедливым. Поэма о Дигенисе открывает нам такие черты мировоззрения византийцев, которые не могут не привлечь внимания наших современников. Это прежде всего уважение к другим народам, терпимость к иноверцам, отсутствие чувства расовой исключительности. Одной из высших заслуг героя автор поэмы считает уничтожение бедственных последствий предыдущих войн — освобождение всех пленных византийцев, томившихся на чужбине. Дигенис восстанавливает повсюду мир и спокойствие; восхваление автором мира — еще один близкий и понятный нам мотив. Глубокая человечность отличает героев повествования, прежде всего главного героя. Дигенису, как ни условен его образ, отнюдь не чужды многие людские слабости, которые автор рисует с несомненным психологическим мастерством. Эпос о Дигенисе Акрите, этот единственный в своем роде памятник среднегреческой культуры, широко известный еще древнерусским читателям и незаслуженно забытый у нас, содержит немало интересного и для человека наших дней.

¹³⁸ О «Дигенисе Акрите» как народном эпосе убедительно говорит В. Д. Кузьмина («Деяние прежних времен. На народную основу «Дигениса Акрита» указывает в своем определении социальной природы памятника А. В. Банк (Дигенис Акрит византийского эпоса и Давид Сасунский. «Давид Сасунский». Юбилейный сборник, посвященный 1000-летию эпоса. Ереван, 1939, стр. 146); она склонна, однако, как нам кажется, несколько переоценивать феодальные напластования эпоса.

¹³⁹ К. К r u m b a c h e r. Geschichte..., S. 830.